

Христианское мирозерцание. Христианство и жизнь

Протоиерей Михаил Чельцов

Содержание

- [Информация о первоисточнике](#)
- [Христианство](#)
- [Христианство - религия Христа](#)
- [Христианство - вера во Христа как Сына Божия](#)
- [Христианство - жизнь жизнью Христа](#)
- [Христианство - не философская или моральная система](#)
- [Величие личности Христа Иисуса](#)
- [Обычная неудовлетворенность от художественных изображений Лица Христа Иисуса](#)
- [Причина этого в многогранности Лица Иисуса Христа](#)
- [Высота и глубина Его мысли](#)
- [Христос - воплощение Любви](#)
- [Целостность характера Христа](#)
- [Всечеловечность Иисуса Христа](#)
- [Отсутствие во Христе обычного совершенствования](#)
- [Божественное достоинство Иисуса Христа](#)
- [Богосознание Иисуса Христа](#)
- [Принятие Им от других свидетельств о Его Божественности](#)
- [Исповедывание Им Себя пред людьми Богом](#)
- [Усвоение Им Себе Божественных свойств и действий](#)
- [Причина скрывания Им своего Божества](#)
- [Сущность дела Христова](#)
- [Значение Креста Христова](#)
- [Проповедание царства Божия](#)
- [Начало ему - на земле](#)
- [Сущность его, по растолкованию Гарнака, Ренана и Л. Толстого](#)
- [Сущность его, по учению Слова Божия](#)
- [Личное спасение и общественное служение в христианстве](#)
- [Евангельский призыв к личному совершенствованию](#)
- [Христианская праведность](#)
- [Отношение личного совершенствования к христианскому доброделанию](#)

- [Указание христианством принципов жизни](#)
- [Христианство и культура](#)
- [Понятие о культуре](#)
- [Отношение к культуре в Ветхом Завете, принятие её Иисусом Христом и апостолом Павлом](#)
- [Принятие её Церковью](#)
- [Культура как обнаружение жизни души человека и как служительница религиозно-нравственному совершенствованию его](#)
- [Разрыв у культуры с христианством от изменения содержания и характера у современной культуры](#)
- [Рабство наше пред культурой](#)
- [Патриотизм и христианская любовь ко всем](#)
- [Патриотизм и космополитизм](#)
- [Учение Иисуса Христа о любви](#)
- [Свойства любви](#)
- [Обоснование патриотизма у Иисуса Христа](#)
- [Патриотизм и им определяемая любовь ко всем](#)

Информация о первоисточнике

При использовании материалов библиотеки ссылка на источник обязательна. При публикации материалов в сети интернет обязательна гиперссылка: "Православие и современность. Электронная библиотека." (www.lib.eparhia-saratov.ru).

Преобразование в форматы epub, mobi, fb2
 "Православие и мир. Электронная библиотека" (lib.pravmir.ru).

Христианство

Христианство - религия Христа

Христианство - это религия, открытая, возвещённая нам Господом Иисусом Христом. От Него, как своего основоположника, она носит и наименование свое. В этом отношении она до некоторой степени уподобляется другим современным известным религиям - магометанству и буддизму. И эти от своих основателей получили свои названия - от Магомета и Будды из рода Сакья-Муни. Но ни Магомет, ни Будда почти совершенно не вошли в содержание ими основанных религий. Магометанство и буддизм никакою стороною своего учения не

призывают верующих почитать Магомета и Будду за какие-либо сверхчувственные существа, тем более не ставят спасения в безусловную зависимость от признания Магомета или Будды за каких-либо сверхчеловеков. Поэтому можно быть самым правоверным магометанином и искренним буддистом и ничего не знать о жизни и деятельности Магомета и Будды.

Христианство - вера во Христа как Сына Божия

Не то в Христианстве. Здесь все дышит и живет Личностью своего основателя Христа, и нельзя быть христианином без веры во Христа, как Сына Божия. Каждая строка Евангелия говорит читателю о Божественном Лице Его, в каждом пункте учения верующий стоит пред Ним. Христос - Сын Божий - вот основная тема всего Евангелия, существеннейшее содержание всего христианства. И без этого учения христианство перестает быть само собою; оно расплывается среди других учений; становится не столько религией, сколько философской системой. Это яснейшим образом подтверждают те христианские учения, в которых Христа Сына Божия не видится в центре.

Возьмем хотя бы учение Л.Н. Толстого. Всем хорошо известно, что он не признавал Христа за Сына Божия и в свое вероучение не ввел Лица Его существенным пунктом. И что же? Толстовства как определившегося вероучения нет; оно ничем не отличается с этой стороны от любого протестантского религиозно-философского учения. Поэтому и объединить около себя приверженцев своих Толстой не смог: нет краеугольного камня - Христа Сына Божия. И если так называемое толстовство ещё живет чем, так это равным именем великого писателя-беллетриста и его нравственным учением, всецело взятым из Нагорной беседы Спасителя.

Такова же судьба и современного нам лютеранства. Оно в значительном числе своих членов отошло от веры во Христа как Сына Божия и вследствие этого как целое, организованное учение распалось; появилось множество религиозно-философских, очень нередко совершенно рационалистических или удивительно мистических систем, религиозных исканий и течений; лютеранство же как определенное вероучение, стало достоянием главным образом официальных кругов церковных, где ещё оберегается вера в божественное Лицо Основателя.

Христианство - жизнь жизнью Христа

Христос-Спаситель не только существеннейшее содержание христианства; Он и сущность жизни христианской, как Сам Он о Себе сказал: "Я есмь жизнь". Быть христианином это значит не только верить в Христа, держаться учения Его, но,

веруя в Него, согласно с этой верой жить и действовать. Можно веру всю содержать, быть наилучшим богословом, даже и тайны царствия небесного разуметь (1 Кор. 13, 2), но если с этим не будет соединяться истинно христианская жизнь, то тщетна вера будет. Христос не только воскресения нашего от будущей жизни начаток - первенец; Он таков и для этой нашей земли: Он первый и мы за Ним, вослед Его и с Ним во всей жизни человеческой. Его жизнь - для нас и наша жизнь - по образу Его жизни. Поэтому и все Евангелие говорит о жизни Его, дабы нам, т.е. всему человечеству "иметь жизнь во Имя Его" (Ин. 20, 31). Здесь залог того, что христианство не может быть временным явлением, достоянием известных народов или сословий. Как жизнь в существе своем едина и вечна, так и образ ее во Христе Иисусе един и беспределен; он так велик, всеобъемлющ и содержателен, что людей всех времен, народностей и состояний к себе привлекает и всем дает потребное. Жизнь Христа есть жизнь самая истинная, самая настоящая, она - идеал жизни. Она зовет человека быть человеком, каков был первоначальный Адам, дабы восстановить ему былое в раю общение с Богом.

Христианство - не философская или моральная система

Христианство, являясь жизнью Христа, а во Христе и всякого вербующего в Него, естественно поэтому не представляется какой-либо философской системой, но неизмеримо превосходит самую лучшую из них. Система как система есть дело головы, результат деятельности, быть может, и возвышенного и даже гениального ума, самого точного и острого мышления. Пред ней можно преклоняться, ею восхищаться, но для жизни она остается нередко пустым местом: жизнь не может с нею считаться и проходить мимо нее. Вот почему философские системы из книг не переходят в факты жизни и, объединяя одинаково мыслящих и то всегда в весьма малом числе и на короткое время, не творят жизни, не собирают общины-церкви. И вот почему, с другой стороны. Евангелия нельзя вогнать ни в какую систему, и всякая попытка создать таковую в разного рода учебных и учёных трудах, кроме схоластической изворотливости, логической ухищренности и тяжелой искусственности, ничего не дает и не даст: жизнь всегда шире и глубже всяких рамок, хотя бы самой высокой и содержательной системы.

Совершенно естественно, что давая нам жизнь. Евангелие совершенно не походит на какой-либо сборник нравственных сентенций. Эти последние никого никогда не научили жизни; они только разве для одних предмет восторга, для других - раздражения. Сенеку, с его сентенциями, любопытно изучать и даже читать; но никому он не дал жизни и даже образца ее. За Христом следовали и следуют. Его жизнью и учением живут; вокруг неё и Его объединяются

миллионы верующих.

Христос подлинно есть "истина, путь и жизнь" и христианство не только вера, сообщенная Им, но и вера в Него как Сына Божия и самая настоящая, действительная жизнь жизнью Его.

Величие личности Христа Иисуса

Христианство, являясь жизнью Христа, а во Христе и всякого вербующего в Него, естественно поэтому не представляется какой-либо философской системой, но неизмеримо превосходит самую лучшую из них. Система как система есть дело головы, результат деятельности, быть может, и возвышенного и даже гениального ума, самого точного и острого мышления. Пред ней можно преклоняться, ею восхищаться, но для жизни она остается нередко пустым местом: жизнь не может с нею считаться и проходить мимо нее. Вот почему философские системы из книг не переходят в факты жизни и, объединяя одинаково мыслящих и то всегда в весьма малом числе и на короткое время, не творят жизни, не собирают общины-церкви. И вот почему, с другой стороны. Евангелия нельзя вогнать ни в какую систему, и всякая попытка создать таковую в разного рода учебных и учёных трудах, кроме схоластической изворотливости, логической ухищренности и тяжелой искусственности, ничего не дает и не даст: жизнь всегда шире и глубже всяких рамок, хотя бы самой высокой и содержательной системы.

Совершенно естественно, что давая нам жизнь. Евангелие совершенно не походит на какой-либо сборник нравственных сентенций. Эти последние никого никогда не научили жизни; они только разве для одних предмет восторга, для других - раздражения. Сенеку, с его сентенциями, любопытно изучать и даже читать; но никому он не дал жизни и даже образца ее. За Христом следовали и следуют. Его жизнью и учением живут; вокруг неё и Его объединяются миллионы верующих.

Христос подлинно есть "истина, путь и жизнь" и христианство не только вера, сообщенная Им, но и вера в Него как Сына Божия и самая настоящая, действительная жизнь жизнью Его.

Обычная неудовлетворенность от художественных изображений Лица Христа Иисуса

Каждому приводилось рассматривать немало художественных и иконописных изображений Христа Спасителя. Есть изображения высоко художественной

работы замечательных авторов. Но едва ли кто-либо уходил от картины или иконы Спасителя с надлежащим удовлетворением. Уносило убеждение, что Лик Христа не поддается художественному отображению. В самых наилучших изображениях кажется, что недостает чего-то важного, что художником не схвачено в личности Спасителя чего-то существенного, не передано того, что говорило бы нам о Спасителе верно, правильно. И это впечатление неудовлетворенности обычно и у человека религиозного и неверующего, у настоящего ценителя искусства и обычного зрителя. Верность этого положения подтверждается литературной критикой многочисленных изображений Христа.

Что это значит? Откуда эта неудовлетворенность? Одно несомненно, что не кисть художника в ней повинна...

Ту же самую неудовлетворенность получаем и от литературного изображения Христа. Правда, таких изображений очень немного, но все-таки достаточно. Возьмем для примера хотя бы Э. Ренана. Христос, по Ренану, то сухой эгоист-практик, то фантазёр-утопист, то веселящийся поэт-мистик; по общественной своей деятельности - то Он духовно-нравственный реформатор иудейства, то основатель царства нищих и даже "архиреволюционеров", то проповедник скорого наступления последних дней мира. Конечно, у Ренана много тенденции: но в ней ли одной только дело?

Причина этого в многогранности Лица Иисуса Христа

Каждый из людей индивидуален, и в этой своей индивидуальности носит печать тварности своей - ограниченность. Никто из людей не воплощает в себе всей суммы свойств и тем более совершенств человека: он содержит в себе до известной степени только возможность; почему фактически одни черты души его выдаются, другие ступшевываются; проявляются одни стороны человеческой его природы, а другие в ней остаются ещё в зачаточном состоянии. Эти различные проявления и исчезновения, света и тени на фоне общечеловеческой природы и определяют психический облик отдельного человека. Их-то и схватывает кисть художника, описывает перо литератора, они-то и определяют типы художественных произведений.

Можно ли найти что-либо подобное у Христа? Можно ли, например, сказать, что у Него рассудок перевешивает чувство, или чувство возвышается над рассудком? Одерживает ли у Него энергия верх над благоразумием или благоразумие над энергией? Отличается ли Он нежностью или грустью или простодушием? Человек ли Он мысли или дела? С какой бы стороны мы ни взглянули на Него, мы готовы именно эту сторону признать за существеннейшее отличительное Его душевное качество; но когда мы всмотримся в Него пристальнее и прислушаемся

к нему больше, то начинаем замечать, что все остальные стороны выдаются так же ярко.

Высота и глубина Его мысли

На самом деле, какая необычная высота духовных устремлений, глубина мысли, оригинальность и в тоже время общечеловечность и естественность Его суждений и учений.

В то время, когда человек ценился по его силе и могуществу, по высоте его имущественного и общественного положения, по приносимой им или ожидаемой от него пользе, - в это время Христос выдвигает новый принцип ценности самой по себе личности человеческой, хотя бы она была и самой последней и даже заблудшей овцой... Если для людей того времени, даже лучших, жизнь представлялась пиром ("ешь, пей, веселись") или прозябанием изо дня в день ради достижения личных мелких целей, Христом она выставляется как "в Бога богатение", как начало того духовно-нравственного процесса, который совершается чрез единение с Телом и Кровью Его и завершается чрез бессмертие души и тела лицезрением Бога... Вопреки материализации веры у греков и евреев Христос говорит о поклонении Богу духом и истиной и о самоотверженной любви ко всему живущему... При ожидании счастья от внешнего учит о наслаждении царства мира и радости в сердцах людских.

И в каких простых, а в то же время возвышенно-содержательных фразах и суждениях Он высказывает свои высокие истины. Какие образы и сравнения, притчи и уподобления Он берет для поучения народа.

Отсюда - учение Его всегда было просто, удобопонятно и легко для восприятия самыми невежественными людьми и женщинами-грешницами, это не философская система, построенная при посредстве разных силлогизмов, где при выпадении одного звена падает и все здание.

Учение Христа - это задушевная беседа страдальца за людей о их жизни, какова она есть и какова должна быть. Естественно, что народ усиленно искал Его бесед, и за Ним следовали толпы слушателей. Среди последних можно было встретить и книжников и простецов, и богатых и нищих, здоровых и одержимых разными болезнями: все слушали Его и уходили от Него успокоенными, кроме разве фарисеев. Он учил "как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи" (Мф. 7, 29). Так может учить только тот, кто проповедует абсолютную истину и кто твердо сознает, что именно только истину он и проповедует. Поэтому-то часто искушавшие Его разными хитрыми и казуистическими вопросами книжники и фарисеи ни разу не смогли поставить Его в безответное или хотя бы

в трудное положение; сами же обычно уходили от Него сконфуженными и посрамленными. И невольно просится сказать: какой Христос великий мыслитель, знаток человеческого сердца и искусный хозяин Своего слова. Но сейчас же восстает в уме другое из облика Его... А Его сердце! а область Его чувствований!..

Христос - воплощение Любви

Слово Христа было не только мудро по содержанию, просто по изложению, - оно было и жизненно: оно всегда шло от сердца к сердцу и отвечало наболевшей от жизненной суеты и неправды душе человеческой. Кто ко Христу ни подходил, всегда тот уходил от Него удовлетворенным и успокоенным: всякая болезнь находила в Нем Врача, горе - Утешителя, радость - Друга, недоразумение - Учителя и советника... Христос был воплощенной любовью, особенно проявленной ко всякого рода нищим и убогим, обездоленным и несчастным. Ею побуждаемый. Он и чудеса творил почти исключительно ради благополучия и радости других. Сам для Себя ничего не ища и не требуя. Любовь Его влекла в дома грешников и мытарей, останавливала на пути, не покидала Его в минуты Его отдыха и покоя. Она привела Его на крест. И человечество никогда не видело и никогда не увидит более высшего в жизни проявления любви. Христос представляется полным выражением любви, и только ее. Но сейчас же вспоминается Его характер.

Целостность характера Христа

По характеру своему Христос был прост, открыт, всегда себе равен и последователен. Слово у Него никогда не расходилось с делом, учение с жизнью. Спокойствие духа и нравственная уравновешенность никогда не покидали Его даже в самые тяжелые моменты Его жизни, в часы, когда Он выступал со своими грозно обличительными речами. Ни тени презрения к одним, ни превозношения перед другими. Никто Его никогда не видел в раздражении или запальчивости. Он не делал различия в людях по их общественному положению: Он смотрел не на лица, а на их души, и от содержания последних зависела милость и любовь или гнев и обличение. Ни капли страха и тем более заискивания пред сильными: ни тени угодничества или попустительства пред богатыми. Сам не имевший где главы поклонить. Он всех одинаково призывал к горнему отечеству. Порок он всюду обличал, неправду искоренял, истину и любовь водворял, мир и радость проповедовал. И это всюду и всем: и на горе и на море, простым слушателям, и в храме книжникам и фарисеям, и на суде первосвященникам и Пилату.

Так в лице Христа Иисуса равно полно, целостно и совершенно выражены все стороны духовного мира человека. Совершенно невозможно увидеть преимущественного развития одной пред другою или преимущественного проявления Спасителем каких-либо отдельных свойств Его личности. Христос в Его человечестве в одно и то же время и высочайший ум, и глубоко любящее сердце, и целостный характер со всегда себе верной и святой волей. Только мы готовы признать одно Его свойство как существеннейшее и характерное, как сейчас же в нашем представлении встает другое, тоже как наиглавнейшее. Выразит художник одно во Христе; сейчас же как недостаток представляется опущение им другого свойства, как важнейшего. А так как и кисть художника и иконописца, и слово поэта и мыслителя могут отображать что-либо единое, чем один человек отличается от другого и что составляет сущность духовного бытия этого индивидуума, то, естественно, такого всесторонне выраженного, так целостно совершенного облика Христа они представить не могут и всякое их изображение, как бы с художественной и психологически-логической стороны совершенно оно ни было, всегда остается и останется недостаточным, неполным, нас не удовлетворяющим. Христос не был простым человеком. Свышечеловеческое отображалось во всяком Его движении, слове и деле, во всем Его Лике. Он не только больший из всех рожденных женами; Он единственный из людей. Он не только сын человеческий, но и Сын Божий. Поэтому-то Он и не поддается человеческим измерениям и описаниям, как ограничениям.

Всечеловечность Иисуса Христа

Теперь Евангелие проповедуется на всех языках среди множества различных народностей, и каждая из последних считает Христа *своим* человеком, близким себе, как бы от сынов её происшедшим, а потому и хорошо её знающим, её понимающим и ей помогающим. Ни с кем из великих людей, каких только знает история, так не обстояло дело. Сократ в описаниях своих учеников грек самый настоящий; глазами грека он смотрит на весь мир. Цицерон - римлянин и римлянин своего времени, его воззрения и склонности не выходят за пределы его народности. Во Иисусе Христе нет ничего национально-иудейского, местно-народного; в Нем все общечеловечно, все одинаково выше границ, места и времени, все одинаково близко каждому народу и каждому времени. Христос ~ просто человек. Он, действительно, по слову апостола, второй Адам.

Отсутствие во Христе обычного совершенствования

К довершению человеческого Лица Христа остается ещё сказать, что в умственно-духовном облике Христа, в Его характере и нравственном совершенстве не замечается никакого развития или совершенствования

совершенство не замечается никакого развития или совершенствования.

Юношей Он сразу предпринимает исполинскую духовную работу, не грезившуюся ни одному из людей. Он называет ее царством Божиим на земле. Она стояла в полном противоречии с господствовавшей тогда политической и узко национальной идеей Мессии. При этом юноша вполне сознает величину своего предприятия и, что ещё знаменательнее, вполне уверен в его успехе. У Него на первых же шагах не заметно никакого колебания, никакого нащупывания пути, как это, например, было у Магомета, ни искания смысла жизни, как у Будды.

В первый же день выступления на общественное служение он говорит Нафанаилу, что тот увидит над Ним отверстое небо и сходящих ангелов. С первого же дня Он позволяет звать себя Царем Израилевым и Сыном Божиим. Раз за разом предрекает Он, что Его Евангелие будет возвещено по всей земле. И когда Он в конце своего пребывания на земле, пред своим вознесением на небо, говорит своим ученикам изумительные слова: "идите, научите все народы... Я с вами во вся дни до скончания века", то в них нет ничего, что не соответствовало бы самым точным образом началу. Сократ не страдал излишней скромностью, но и тот неизменно повторял, что он ничего не знает. Христос постоянно говорил, что *знает* и что Он получил свое учение от Отца. В Его учении являются везде и всегда одно и тоже нравственное совершенство и одни и те же истины богооткровения.

Во Христе нет и следа движения вперед и развития в области духовно-нравственной Его личности. С обычно-человеческой психологией это явление необъяснимо. Оно с безусловной требовательностью влечет к признанию во Христе вышечеловеческой Личности. То, что так ярко просвечивается во всех Его словах и делах, возможно было у Него только потому, что Он был не просто человек, а единственный из людей, второй Адам, Богочеловек.

Божественное достоинство Иисуса Христа

(Эта глава заимствована из брошюры свящ. С. Соколова "Почему мы должны верить в Иисуса Христа как Бога?" Рязань, 1911.)

Кто же Иисус Христос? Этот вопрос не раз задавали себе и современники Христа, очевидцы Его жизни и деятельности. Не раз его ставили себе и древние христиане. Теперь ответ на этот вопрос достаточно полно и определенно уяснен и обоснован. Его христианский ум находит в самом Евангелии.

Какие же имеются основания для убеждения в том, что Иисус Христос есть действительно Сын Божий?

Для определения личности кого-либо и для охарактеризования его обычно обращаются прежде всего к самосознанию этого лица. Каково же самосознание Христа? Оно всегда было у Него соединяемо с богосознанием.

Богосознание Иисуса Христа

Будучи ещё 12 лет и находясь в Иерусалимском храме, Он в словах, обращенных к Своей матери, называет Бога Отцем Своим (см. Лк. 2, 49). Если Ренан и другие утверждают, что веру в Себя как Сына Божия Христу внушили и навязали люди, то как и когда они могли это внушить 12-летнему мальчику, который постоянно жил в глухом Назарете, где все Его считали сыном плотника Иосифа и Марии (см. Мф. 13, 55)? Придя в возраст и выступивши открыто на проповедь, Иисус Христос изгоняет торгующих из храма, в котором проповедовал 12-летним отроком, называя храм домом Отца Своего: *Возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли* (Ин. 2, 16). Какой бы другой человек, хотя бы он и называл Бога отцем своим, мог и решился так властно распоряжаться в храме и называть его "домом Отца Моего"!

Когда апостол Петр на вопрос сборщиков подати на храм: "Учитель ваш не даст ли дидрахмы?" - ответил утвердительно, то Спаситель дал ему понять, что как сыны земных царей свободны от податей, так и Он, как Сын Бога Отца, Которому принадлежит храм, свободен от подати на этот храм и, если платит ее, то только для того, чтобы не соблазнить людей (см. Мф. 17, 24-27). Здесь Христос не только исповедал Себя Сыном Божиим, но и выделил Себя из среды людей, которые несвободны от подати на храм Отца Его, проведя параллель между Собою и сыновьями земных царей, превосходящими подданных их отцов. И везде в Евангелии мы видим, что Христос-Спаситель, когда называет Бога Отцом Своим, резко выделяет Себя из среды людей. И это несколько не противоречит Его величайшему смирению, ибо этим, как и выше мы видели. Он только свидетельствует непреложную истину. Говоря о Себе, Он выражается: *Отец Мой*, говоря о людях *Отец наш*, но не говорит: *Отец наш. Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему*, - говорит Он Марии Магдалине в саду, около Своего Гроба (Ин. 20, 17). Только в одном месте, в молитве, данной людям. Он употребляет выражение *Отче наш*. Но здесь Он говорит от имени людей, которые просили Его: *Господи! научи нас молиться* (Лк. 11, 1), и на эту просьбу отвечает: *когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах!* (2) Что Иисус Христос называет Себя Сыном Божиим не в том смысле, как все люди,

которые суть сыны Божий по благодати Божией и милости, а в смысле исключительном, который указывает на Его особенные, личные отношения к Богу Отцу, видно из того, что Он называет себя Сыном Божиим *Единородным*. *Так возлюбил Бог мир, - говорит Он Никодиму, - что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). *Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.* (18). А в притче о злых виноградарях, изображая Себя под образом сына, Христос говорит: *имея ещё одного сына, любезного ему, (господин винограда) напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся, сына моего* (Мк. 12, 6). И виноградари хорошо поняли, что этот новый посланник не равный им и приходившим до него рабам, а "наследник", почему они и убили его, чтобы завладеть его наследством (7-8). Об этом Сыне и говорит апостол Павел в послании к Евреям: что Бог поставил Его "наследником всего" и "через Него и веки сотворил" (1, 2). Нужно совершенно исказить и извратить Евангелие, чтобы наименование Спасителя Себя Сыном Божиим толковать в каком-то переносном смысле, а тем более - в пантеистическом смысле какой-то мировой эволюции какого-то мирового духа, как думает Л. Толстой. *Я изшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир, и иду к Отцу* (Ин. 16, 28). Разве это и все подобные изречения Христа не обозначают Его личной жизни, личных и исключительных Его отношений к Богу Отцу?..

Принятие Им от других свидетельств о Его Божественности

Свидетельствуя о Себе как Сыне Божиим и Боге, Иисус Христос и от людей принимают такие же свидетельства, одобряя и восхваляя их. Нафанаил, удивленный всеведением Иисуса из Назарета, воскликнул: *Равви! Ты еси Сын Божий, ты еси Царь Израилев* (Ин. 1, 49). После проповеди о причащении Тела и Крови, когда многие из учеников отошли от Христа и не ходили с Ним и когда Он сказал двенадцати: *не хотите ли и вы отойти?* - Петр ответил: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты. - Христос, Сын Бога живого* (6, 66-69). В другой раз Иисус Христос сам поставил перед учениками вопрос о Своем достоинстве: *за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?..* Когда ученики ответили, что люди думают о Нем различно, то Он опять их спросил: *а вы за кого почитаете Меня?* Тогда Симон Петр сказал: *Ты - Христос, Сын Бога живого.* Это был великий момент земной жизни Спасителя: Он слышал от учеников в лице Петра торжественное признание Себя Сыном Божиим. То, что утаилось от премудрых и разумных, открылось младенцам (см. Мф. II, 25). И потому Господь не только не остановил Петра, но с воодушевлением воскликнул: *блажен ты, Симон, сын Ионин! потому что не плоть и кровь (т.е. не люди. - М.Ч.) открыли тебе это,*

но Отец Мой, сущий на небесах (Мф. 16, 13-17). Были случаи, когда ученики, пораженные чудесами своего Учителя, все единодушно восклицали: "истинно Ты - Сын Божий!" Так было после чудесного хождения Иисуса Христа по водам, когда ученики, принявши Его в лодку, поклонились Ему и так воскликнули (см. Мф. 14, 33). Марфа, сестра Лазаря, встречая Иисуса Христа при входе в Вифанию, сказала Ему: *Господи! я верую, что Ты - Христос, Сын Божий, грядущий в мир* (Ин. 11, 27). И ни из одного случая не видно, чтобы Иисус Христос говорил тем, кто Его называли Сыном Божиим, что Они неправильно так Его называют и исповедуют. А это Он должен был бы сделать, если бы Он был обыкновенный человек, а не Сын Божий, - должен был сделать, как делает всякий честный человек, когда видит, что люди приписывают ему то, чего он на самом деле не имеет. Напротив, как Он с умилением признает исповедание Петра откровением свыше, так одобряет и Нафанаила, так принимает и сердечный порыв Фомы, который воскликнул: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 28)! И только бесам Он строго запрещал исповедовать Себя Сыном Божиим (См. Мк. 1, 34; 3, 12; Лк. 4, 41). Людям же, которые ещё не постигали Его Божественного достоинства, но которые к этому были подготовлены. Он открывал Себя не как простого человека, а как Сына Божия. *Ты веруешь ли в Сына Божия!* - спрашивает Он исцеленного слепорожденного. А кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него? - спрашивает тот. *Иисус сказал ему: и видел ты Его и Он говорит с тобою.* Тогда исцеленный воскликнул: *верую Господи! и поклонился Ему* (Ин. 9, 35-38). Таким же образом, Иисус, открывшись самарянке у колодца, как Мессия Христос: *это Я, Который говорит с тобою* (4, 26), принимает радостное исповедание и всех самарян, которые в Его присутствии говорят женщине: *уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос*(42). А врагам Своим - иудеям, которые именно не хотели помириться с Его достоинством Сына Божия, Он не говорит, что они не так Его понимают, а утверждает это достоинство, ссылаясь, во-первых, на свидетельство Иоанна Крестителя, а во-вторых, на Свои чудеса (см. Ин. 5, 31-36). Что же говорил Иоанн Креститель? Он говорил по всеуслышание на берегах Иордана: "Я не знал Его; но пославший меня крестить в воде (т.е. Бог-Отец - М.Ч.) сказал мне: на кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на нем. Тот есть крестящийся Духом Святым. И я видел, и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий" (Ин. 1,33-34).

В предсмертные часы Своей земной жизни, когда всякому даже обыкновенному человеку, подводящему итоги своей жизни, свойственно быть и оставаться только тем, что он есть на самом деле, Иисус Христос не только не отрекается от Своего достоинства Сына Божия, но исповедует его непреложно. На суде первосвященник спросил Его: *Ты ли Христос, Сын Благословенного?* Иисус ответил: *Я*, - и как бы желая показать, что Его слова нужно понимать прямо и буквально, добавляет: *и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную*

силы. и грядущего на облаках небесных (Мк. 14, 62-65). Эти-то последние слова Иисуса Христа показывают, что и наименование "Сын Человеческий", которое Он любил прилагать к Себе, имеет особенный смысл и обозначает не человеческое, а именно Божественное или, лучше сказать, Богочеловеческое Его достоинство. Этими словами Иисус Христос хотел сказать, что Он есть тот самый Сын Человеческий, Которого видел когда-то пророк Даниил. *Видел я в ночных видениях, - читаем в книге этого пророка (7, 13-14), - вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями (Бога Отца. - М.Ч.), и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава, и царство, чтобы все народы, племена, и языки служили Ему; владычество Его - владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится.* И враги Христа - иудейские книжники, знавшие закон и пророков, хорошо это поняли, ибо и сами судили Христа именно за богохульство, за присвоение Себе достоинства Сына Божия и в таком виде представили дело Пилату, которому кричали: *мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть, яко Себе Сына Божия сотвори* (Ин. 19, 7). И даже на Голгофе они глумились над Распятым: *Если Ты - Сын Божий, сойди с креста... Упавал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын* (Мф. 27, 40; 43). И только сотник, видя трус и бывшая, воскликнул не с глумлением, а с глубокою верою: *воистину Божий Сын бе Сей!* (54)

Исповедывание Им Себя пред людьми Богом

Не оставляют в нас никакого сомнения в том, что Иисус Христос исповедовал Себя пред людьми Богом, те места Евангелия, где Он говорит о Своем равенстве с Богом Отцом, усвояет Себе божеские свойства и действия, хотя и не называет Себя прямо Богом. *Видевший Меня видел Отца, - говорит Он Филиппу, который просил: покажи нам Отца* (Ин. 14, 9-10; 12, 45). Утешая учеников пред Своими страданиями, он говорит им: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, И Мы придем к нему, и обитель у него сотворим* (14, 23). В первосвященнической молитве Он обращается к Отцу: *И все Моё - Твоё, и Твоё - Моё* (17,10).

Иисус Христос исповедует Свое равенство с Богом Отцом и пред неверующими иудеями. После исцеления 38-летнего расслабленного при овчей купели иудеи искали убить Его за то, что Он совершил это чудо в субботу. Защищаясь, Спаситель во всеуслышание заявляет: *Отец Мой доселе делает* (а не пребывает в бездействии после шести дней творения. М.Ч.), *и Аз делаю* (Ин. 5, 17). Иудеи верно поняли слова Христа, что Он делает Себя равным Богу, и потому ещё более стали искать убить Его. Христос Спаситель не разубеждает иудеев в этом, а ещё более старается убедить их и во всей дальнейшей речи продолжает

говорить о Своем равенстве с Отцом. *Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтити Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его* (21-23). Можно ли яснее выразить истину равенства Сына с Отцом!

В праздник обновления иудеи приступили к Иисусу Христу с решительным вопросом: Христос ли Он? Спаситель, сославшись на Свои чудеса, обличил иудеев в том, что они хорошо видят, что Он не простой человек, но по своему упорству не хотят признать в Нем Христа, и, в обличение их сказал о Своем единосущии с Отцом решительно и прямо: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10, 30). Иудеи пришли в ярость и схватили камни. *Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?* - спросил их Иисус Христос. Иудеи отвечали: *не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что ты, будучи человек, делаешь Себя Богом.* Спаситель отвечал им; *Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было Слово Божие, и не может нарушиться Писание; Тому ли. Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я - Сын Божий?* (31-36) Спаситель исповедал не только равенство и единосущие с Богом Отцом, но и Свое безмерное превосходство пред людьми.

Христос Спаситель, исповедуя Свое равенство с Отцом, приписывает Себе и свойства божеские. Он исповедует Себя вечным. *Кто Ты?* - спросили Его однажды в храме, после прощения грешницы, фарисеи. *От начала Суций, как и говорю вам,* - ответил Он им (Ин. 8, 25). *Прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь* (58), - сказал Он тем же фарисеям, которые, услышав это, схватили камни, чтобы побить Иисуса: но Он скрылся от них. *И ныне прославь Меня. Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую я имел у Тебя прежде бытия мира,* - молится Иисус Христос Отцу Своему (17, 5). Он, Христос, всеведущ. *Как Отец знает Меня, так и я знаю Отца,* - говорит Он (10, 15). - *Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть* (Мф. II, 27). Он - вездесущ. *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, суций на небесах.* (Ин. 3, 13), - говорит Иисус Христос Никодиму. *Где двое или трое собраны, во имя Мое, там Я посреди их,* - говорит Он ученикам (Мф. 18, 20). Может ли простой, обыкновенный человек так говорить о себе?..

Усвоение Им Себе Божественных свойств и действий

Иисус Христос усваивает Себе божеские действия. Все предано Ему Отцом (Мф. II, 27). Который дал Сыну Своему власть над всякою плотью (Ин. 17, 2). *Дана*

Мне всякая власть на небе и на земле (Мф. 28, 18), - говорит Он ученикам после воскресения. Он имеет власть прощать грехи и потому говорит расслабленному, спущенному через кровлю: *чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2, 5). Когда же сидевшие тут книжники подумали, что власть прощать грехи имеет только один Бог, то Христос Спаситель подтверждает далее, что эту именно божескую власть и имеет Он, Сын Человеческий (6-11). Иисус, Христос имеет другую высочайшую власть - воскрешать мертвых. *Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет* (Ин. 5, 21). *Грядет час, в онъ же вси сущии во гробех услышатъ глас Сына Божия; и изыдут сотвориши благая, в воскрешение живота, а сотвориши злая в воскрешение суда.* (28-29). Неужели рационалисты, устраняющие из Евангелия все сверхъестественное, под "сущими во гробех" будут разумеать не действительных мертвецов, а каких-нибудь людей темных умственно или нравственно?.. Если же это настоящие мертвецы, то кто же этот Сын Божий, от голоса Которого они воскреснут?..

Никакой рационализм, далее, не в силах объяснить в каком-либо переносном смысле те изречения Спасителя, в которых Он говорит о Своем втором пришествии. *Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 27). *Все тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках, с силою и славою многою* (Мк. 13, 26). Пошлет тогда Сын Человеческий ангелов, и соберут они всех людей (См. Мф. 24, 31). Христос говорит о действительном событии, которое ещё впереди. Он говорит ясно о том настроении людей, которое имеет быть при совершении этого события: *Сын Человеческий пришедши, найдет ли веру на земле?* (Лк, 18, 8). *Когда же приидёт Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы* (Мф. 25, 31-32). Тогда откроется страшный и всеобщий суд. Сам Штраус с досадой отмечает, что он не может понять и объяснить изречений Христа о Втором пришествии и Страшном суде. Он думает, что тот, кто вообразит, что он выше всех людей, кто надеется вернуться на землю в качестве судьи всех людей, как не возвращался ни один человек, тот, если он не сумасшедший, то, во всяком случае, праздный мечтатель.

Причина скрывания Им своего Божества

Почему же, однако, Спаситель как бы скрывал Свое Божество и избегал говорить прямо: "Я - Бог?" Да, Христос Спаситель, живя среди людей, до Своего воскресения таил Свое Божество от людей. А что бы было, спросим мы, если бы Иисус Христос начал свою проповедь, сразу объявивши людям, что Он - Бог? и если бы всегда Он только и делал, что говорил о Себе, как о Боге? Было бы то,

что люди умирали от страха и ужаса. Слабый человек не может вынести непосредственного и полного откровения Божества. Бог говорил Моисею, желавшему видеть славу Его: *лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых* (Исх, 33, 20). Пусть никому не покажется, что это рисует пред нами Бога с отрицательной стороны, как какое-то всесокрушающее существо. Бог - любовь и добро, бесконечное сияние любви и добра. Однако же, пока мы находимся в бренном теле, полное сияние Божества для нас нестерпимо. Всякий знает, что от солнца, сияющего на небе, исходит к нам свет и тепло, что от него зависит жизнь всей природы. Однако же мы не можем прямо смотреть на солнце, а тем более приблизиться к нему. Когда Иисус Христос открывал хоть малую часть Своей Божественной Славы, то люди не выносили и лишались чувств. *Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный*, - воскликнул Петр после чудесного лова рыбы (Лк. 5, 8). А когда Спаситель показал, во время Преображения на горе ученикам славу Свою, "яко же можаху", т.е. сколько они могли вынести, то ученики упали замертво и были без чувств до тех пор, пока не кончилось сияние славы Его, и Он, подойдя к ним в Своем смиренном виде и коснувшись их, не сказал: *встаньте и не бойтесь* (Мф. 17, 1-7). Так потрясающе действовало на людей явление Божественной славы Христа, и так успокоительно действовало кроткое и тихое сияние Его смиренного человеческого образа, как успокоительно действует на нас тихое мерцание лампы во мраке ночном. Оно, это кроткое сияние человеческого образа Христа, успокоило учеников на море, когда они испугались Его, ходящего по водам, как призрака: *ободритесь, это - Я, не бойтесь* (14, 27). В другой раз эти же самые слова "это - Я", произнесенные в Гефсиманском саду уже с Божественным величием, сделали то, что враги Христа, пришедшие взять Его, *идоша вспять и падоша на земли* (Ин. 18, 5-6). Если ангелы, херувимы и серафимы лица свои закрывают пред Божественною славою Христа, как об этом поется в церковной песни Великой Субботы ("Да молчит всякая плоть человека"), то могли ли бы обыкновенные люди выносить, если бы Иисус Христос не утаивал своего Божества и не скрывал Своей Божественной славы?! Поэтому, жалея и щадя слабых людей, Христос Спаситель, явившись на земле, скрыл Свою славу за завесу Своей человеческой плоти и умерил сияние этой славы до степени "тихого света", за что и прославляем Его мы ежедневно, на вечернем богослужении: "Свете тихий святых славы безсмертного Отца Небеснаго!.."

Иисус Христос пришел на землю для того, чтобы люди возлюбили Его учение и заповеди. Но они должны были это сделать свободно, по влечению сердца, а не ослепленные Его Божественным величием и покоренные Его могуществом. Как пленяло учение Христа слушателей, показывает случай с фарисейскими слугами, которым было приказано схватить и привести Христа. *Почему вы не привели Его?* - спросили фарисеи возвратившихся слуг. *Никогда человек, не*

говорил так, как этот человек, - ответили те (Ин. 7, 45-46). Вера же во Христа, вызванная поразительными чудесами, была вера непрочная, и Он не доверял ей. Так, когда Он был в Иерусалиме, на празднике Пасхи (первой по Его крещению. - М.Ч.), то многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его. Но Сам Иисус не вверял Себя им, потому что знал всех... знал, что в человеке (2, 23-25). Это и обнаружилось, например, после чуда насыщения пяти тысяч человек. Насытившийся народ пришел в такой восторг, что хотел восхитить Его и сделать царем, так что Господь, Которого нисколько не обрадовали эти восторги народа, скрылся от него, сотворивши новое чудо хождения по водам. Но что было на другой день? Люди, которые вчера, пораженные чудом, говорили: *это истинно тот пророк, которому должно прийти в мир*, сегодня говорят: *какие странные слова! Кто может Его слушать?* и с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с ним (6, 14; 60, 66).

Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф. II, 28) - вот чего хотел от людей Христос. Он хотел показать красоту безгрешного, человека в смиренном образе, хотел *подобным подобное призвать*, хотел "привлечь к высоте" людей и для этого Он, высокий Бог, на земле явился смиренным человеком (см. акафист Божией Матери). Он желал, чтобы постижение людьми Его личности. Его учения и Его дела шло постепенно. Сначала люди должны были возлюбить сердцем Его учение, Его кротость и смирение и, возлюбивши это, постигнуть, что он не простой человек, а Божий посланник; потом, увидевши Его чудеса, должны были с доверием отнестись и к Его чрезвычайным словам о Себе как Сыне Божиим и, наконец, вполне постигнуть и осмыслить Его Божеское достоинство уже после Его славного воскресения.

Сущность дела Христова

Почему же, однако, Спаситель как бы скрывал Свое Божество и избегал говорить прямо: "Я - Бог?" Да, Христос Спаситель, живя среди людей, до Своего воскресения таил Свое Божество от людей. А что бы было, спросим мы, если бы Иисус Христос начал свою проповедь, сразу объявивши людям, что Он - Бог? и если бы всегда Он только и делал, что говорил о Себе, как о Боге? Было бы то, что люди умирали от страха и ужаса. Слабый человек не может вынести непосредственного и полного откровения Божества. Бог говорил Моисею, желавшему видеть славу Его: *лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых* (Исх, 33, 20). Пусть никому не покажется, что это рисует пред нами Бога с отрицательной стороны, как какое-то всесокрушающее существо. Бог - любовь и добро, бесконечное сияние любви и добра. Однако же, пока мы находимся в брэнном теле, полное

сияние Божества для нас нестерпимо. Всякий знает, что от солнца, сияющего на небе, исходит к нам свет и тепло, что от него зависит жизнь всей природы. Однако же мы не можем прямо смотреть на солнце, а тем более приблизиться к нему. Когда Иисус Христос открывал хоть малую часть Своей Божественной Славы, то люди не выносили и лишались чувств. *Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный*, - воскликнул Петр после чудесного лова рыбы (Лк. 5, 8). А когда Спаситель показал, во время Преображения на горе ученикам славу Свою, "яко же можаху", т.е. сколько они могли вынести, то ученики упали замертво и были без чувств до тех пор, пока не кончилось сияние славы Его, и Он, подойдя к ним в Своем смиренном виде и коснувшись их, не сказал: *встаньте и не бойтесь* (Мф. 17, 1-7). Так потрясающе действовало на людей явление Божественной славы Христа, и так успокоительно действовало кроткое и тихое сияние Его смиренного человеческого образа, как успокоительно действует на нас тихое мерцание лампы во мраке ночном. Оно, это кроткое сияние человеческого образа Христа, успокоило учеников на море, когда они испугались Его, ходящего по водам, как призрака: *ободритесь, это - Я, не бойтесь* (14, 27). В другой раз эти же самые слова "это - Я", произнесенные в Гефсиманском саду уже с Божественным величием, сделали то, что враги Христа, пришедшие взять Его, *идоша вспять и падоша на земли* (Ин. 18, 5-6). Если ангелы, херувимы и серафимы лица свои закрывают пред Божественною славою Христа, как об этом поется в церковной песни Великой Субботы ("Да молчит всякая плоть человека"), то могли ли бы обыкновенные люди выносить, если бы Иисус Христос не утаивал своего Божества и не скрывал Своей Божественной славы?! Поэтому, жалея и щадя слабых людей, Христос Спаситель, явившись на земле, скрыл Свою славу за завесу Своей человеческой плоти и умерил сияние этой славы до степени "тихого света", за что и прославляем Его мы ежедневно, на вечернем богослужении: "Свете тихий святых славы бессмертного Отца Небесного!.."

Иисус Христос пришел на землю для того, чтобы люди возлюбили Его учение и заповеди. Но они должны были это сделать свободно, но влечению сердца, а не ослепленные Его Божественным величием и покоренные Его могуществом. Как пленяло учение Христа слушателей, показывает случай с фарисейскими слугами, которым было приказано схватить и привести Христа. *Почему вы не привели Его?* - спросили фарисеи возвратившихся слуг. *Никогда человек, не говорил так, как этот человек*, - ответили те (Ин. 7, 45-46). Вера же во Христа, вызванная поразительными чудесами, была вера непрочная, и Он не доверял ей. Так, *когда Он был в Иерусалиме, на празднике Пасхи* (первой по Его крещении. - М.Ч.), *то многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его. Но Сам Иисус не вверял Себя им, потому что знал всех... знал, что в человеке* (2, 23-25). Это и обнаружилось, например, после чуда насыщения пяти тысяч человек. Насытившийся народ пришел в такой восторг, что хотел восхитить Его

и сделать царем, так что Господь, Которого нисколько не обрадовали эти восторги народа, скрылся от него, сотворивши новое чудо хождения по водам. Но что было на другой день? Люди, которые вчера, пораженные чудом, говорили: *это истинно тот пророк, которому должно прийти в мир*, сегодня говорят: *какие странные слова! Кто может Его слушать?* и с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с ним (6, 14; 60, 66).

Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф. II, 28) - вот чего хотел от людей Христос. Он хотел показать красоту безгрешного, человека в смиренном образе, хотел *подобным подобное призвать*, хотел "привлечь к высоте" людей и для этого Он, высокий Бог, на земле явился смиренным человеком (см. акафист Божией Матери). Он желал, чтобы постижение людьми Его личности. Его учения и Его дела шло постепенно. Сначала люди должны были возлюбить сердцем Его учение, Его кротость и смирение и, возлюбивши это, постигнуть, что он не простой человек, а Божий посланник; потом, увидевши Его чудеса, должны были с доверием отнестись и к Его чрезвычайным словам о Себе как Сыне Божиим и, наконец, вполне постигнуть и осмыслить Его Божеское достоинство уже после Его славного воскресения.

Значение Креста Христова

С детства, с уроков Катехизиса, мы запомнили, что Христос своею крестною смертью избавил нас от греха, проклятия и смерти. Это положение прочно укрепилось в нашем уме, отлилось в строго определенную формулу, но далеко ещё не прояснено нашим сознанием и не приобрело, так сказать, жизненной осязаемости, плотности. Мы говорим это и почти не отдаем себе отчета в содержании этих слов; мы помним их, но мало понимаем. Какой же действительный смысл, какое содержание мыслится в этой изученной нами фразе?..

Крест - это все в деле Христа: Голгофа - это центр христианства. На ней к Кресту пропято было все человечество со всеми его грехами, слабостями и болезнями; на ней умер ветхий человек; на ней распялся Адам со всем своим потомством. Но Голгофа - гроб не для упразднения, а для восстания, не для уничтожения, а для воскресения. Умер ветхий человек, но восстал новый, возрожденный, распялся Адам и явился христианин; пропято все греховное, чтобы родилось чистое, светлое, радостное, прекрасное. На Голгофе были подведены итоги и сделано заключение из всей и для всей прежней человеческой жизни; она была упразднена, чтобы явиться тому, что было до греха. Распялся Христос, чтобы явился тот Адам, который безгрешным и светлым вышел из рук

Творца; упразднился грех, чтобы снова воцарились святость, безгрешность. Крест поэтому есть конец злу для водворения райской жизни на земле, есть обратное принесение, приведение человечества к тому состоянию, в котором оно должно было бы пребывать без греха Адама. А рай Адама - это и есть царство правды, истины, добра и красоты, царство благоволения Божия, царство Божие, где Бог поистине был всяческая во всех и где было только все добро зло. Вот Крест с Голгофой и имели своею целью обратное возвращение земле и всему, яже на ней, царства рая первобытного Божиего благоволения, т.е. царства Божия и пересоздания человека в христианина со всеми данными для водворения снова на земле, для возделывания и устройства его, для созидания Царства Божия.

Так раскрытие сущности дела Христа, мыслящейся в обычной школьной фразе, что Христос Своєю смертью избавил нас от греха, проклятия и смерти, приводит нас к утверждению, что *сущность дела Христова - это водворение, дарование, низведение среди людей царства Божия*, что христианство и есть проповедь об этом царстве и постепенное воплощение его на земле, дабы всюду царствовала жизнь, которая всегда была у Отца и со Христом явилась нам (см. 1 Ин. 1, 2).

Проповедание царства Божия

Об этом прежде всего и многократно говорит сам Иисус Христос.

Еще в начале своей проповеди, говоря о цели и задаче своей земной жизни. Он говорил искавшему Его народу: *и другим, городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан* (Лк. 4, 43). Итак, цель посланничества Христова на землю, чтобы благовествовать человечеству, изнывавшему в душевном мраке, в тяготе рабства греху и преступлениям, проповедовать радость облегчения и свободы чрез наступление Царствия Божия. Поэтому первую, от Него к народу исшедшею вестью было слово о близости Царствия Божия.

Пришел Иисус в Галилею, - повествует евангелист Марк, - проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря. что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покойтесь и веруйте в Евангелие (1, 14-15). Спаситель выступление Свое на проповедь начинает речью о приближении Царствия Божия, для которого уже и исполнилось время, т.е. совершилось все, что должно было совершиться для приготовления рода человеческого к восприятию слова о наступлении Царствия Божия.

Открывши Свое вступление на проповедь речью о приближении Царствия Божия, Христос все время Своей жизни на земле непрестанно и повсюду об этом царстве и проповедовал. Почему Евангелисты Матфей и Лука все учительство Спасителя характеризуют именно как благовестие о Царствии Божием. *И ходил*

Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях (Мф. 9; 33; 4, 23; Лк. 8, 1). Об этом Царстве проповедовать послал Христос и учеников Своих (см. Мф. 10, 6; Лк. 9, 2; 10, 9, II). Даже последние дни научения Им их были наполнены беседою об этом Царстве: в продолжении сорока дней являясь им, Христос говорил им о Царствии Божиим (см. Деян. 1, 3). Словом, идея Царствия Божия есть центр всего круга мыслей евангельских повествований; она основная мысль всего учения Христа, главная тема евангельской проповеди. От этой идеи все исходит и к ней все возвращается, так что нельзя найти в Евангелии ни одного слова, ни одного действия, что не относилось бы к царствию Божию.

Начало ему - на земле

Провозвещающая об этом царстве Божиим во время Своей земной жизни. Спаситель и начало и первое воплощение, осуществление этому Царству так же полагал на земле, а не переносил его только на небо, в царство славы, в будущую жизнь. Это ясно уже из вышеприведенных слов Самого Спасителя, свое выступление на проповедь ставившего во временную связь с приближением Царства Божия. Еще несколько ранее Его тоже пророк святой Иоанн, Предтеча Его. *Покайтесь, -* зывал он, *- ибо приблизилось Царство небесное. Ибо Он* (т.е. Христос. - М.Ч.) *Тот, о Котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему* (Мф. 3, 23). Здесь Предтеча Христов прямо и определенно ставит приближение Царства Божия в зависимость временную, как бы в историческую последовательность от явления Христа на земле: царство приблизилось, ибо явился Христос. Значит, Христос явился не только для проповеди Царства Божия, но и для положения ему на земле начала самым Своим появлением...

И Сам Спаситель не раз потом свидетельствовал, что Царствие Божие с Его пришествием на землю уже началось. *Если Я, -* говорил он иудеям, *- Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие* (Мф. 12, 28; ср. Лк. II, 20). Иудеи думали, что Христос силою Веельзевула изгоняет бесов; конечно, таковые были далеки от Христа, от учения Его и от жизни по Нему, далеки от жизни в Царстве Божиим. А кто почитал Его творящим силою Божию, тот был уже Христов, тот, по выражению Его, уже жизнью своею был близок к Царствию Божию; "достигло" - значит проявилось видимо здесь на земле. Поэтому, когда Христос увидел, что книжник разумно отвечал, сказал ему: *не далек ты от Царствия Божия* (Мк. 12, 34). А книжник этот исповедал Христу веру в Единого Бога и необходимость любить Его всем сердцем, всем умом и всею душою, и всей крепостью, и любить ближнего, как самого себя... Кто, значит, имеет веру и таковую любовь, тот близок к Царствию Божию, и

обратно: Царство Божие близко к такому человеку, к человеку, живущему ещё на земле. Таким образом, вера во Христа и в Бога Отца и любовь к Богу и к ближним, т.е. черты истинной христианственности, делают человека уже близким, уже сыном Царствия Божия здесь, во временной его земной жизни; значит и Царствие это ещё здесь же, на земле, начинается.

Особенно же определенно этот, по началу своему земной, характер Царствия Божия выражен в следующих словах Спасителя: *Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Небесном* (в Божием - у Луки. - М.Ч.) *больше его* (Мф. II, II; Лк. 7, 28). Если здесь под Царствием Небесным, Царствием Божиим разумеет будущую жизнь, то совершенно неверно, чтобы меньший в нем был там больше Крестителя Господня. Почему больше? В силу каких это обстоятельств Предтеча Господень должен быть так умален даже пред меньшими в Царствии Божием - жизни будущей? Ответа на эти вопросы не найдем, ибо постановка дела совершенно неправильна. А что меньший в Царствии Божием, здесь на земле с пришествия Спасителя осуществляемом, больше Крестителя Иоанна, это естественно и вполне понятно. Меньший здесь в Царствии Божием есть уже искупленный Кровию Христовой, он сосуд великой благодати Божией, чего не имел Креститель Христов. Теперь каждый из христиан, даже самый малый, чадо благодати любви и милости Божией, тогда как Предтеча Христов жил под законом и был не сыном Божиим, а чадом гнева Божия. Значит, больше Иоанна эти меньшие в том Царствии Божием, которое пока здесь на земле, а ещё не на небе. Как бы подтверждая и обосновывая эту мысль, Спаситель в другом месте говорит: *Закон и пророки до Иоанна* (Предтечи); *с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него* (Лк. 16, 16). Значит, со дней Крестителя уже входят в Царствие Божие: входят, следовательно, оно уже началось...

Земля т.е. земная жизнь - это как бы матерняя утроба или почва, куда закладывается зерно, семя, идея Царства Божия, где оно, обогретое любовью и напитанное верою, дает побеги, возрастает мало-помалу, чтобы потом превратиться в большое дерево. Характерна в данном случае притча о горчичном зерне. Ему Спаситель уподобляет Царство Божие. Зерно это вырастает в большое дерево; но прежде этого и для этого оно необходимо должно быть брошено в землю, там созреть, запастись всем необходимым для дальнейшей своей жизни, пустить из себя росток именно по роду своему; и все дальнейшее произрастание дерева из зерна всецело зависит от той же земли, от того, как окрепло зерно в ней, насколько богато запаслось влагой и силами, как глубоко и прочно оно пустило корни свои. И Царствие Божие на земле должно пустить корни свои, углубиться в сердца человеческие, ороситься их верою, напитаться надеждою, согреться любовью. Без ростка на земле не будет ничего и на небе;

без корней в живущем земном, плотяном оно не укрепитя ни в чем духовном, бесплотном. Это земное, плотяное и есть та плоть и кровь, которые облекают скелет, организм Царства Божия, дают ему форму и все условия к тому, чтобы вошел в него Дух Святой, вселился и пожил с ним, - творят то, из чего потом вырастает царство славы для жизни вечной.

Итак, все дело Христа, заверщенное им на Голгофе, с отрицательной стороны выражаясь в избавлении человека от греха, проклятия и смерти, в положительном своем содержании есть возвращение человеку потерянного им Царства Божия, открытие ему доступа снова в рай сладости, откуда он был изгнан при Адаме, заложение основ общения людей с Богом Отцом и Его Иисусом Христом. Земля и небо Христом связуются, плотяное и духовное в Нем берут свое единение, и такое тесное и интимное, что одно без другого они теряют резон своего бытия, омертвевают, из реальности переходят в мыслительную отвлеченность. И в этом синтезе земли и неба, в Царствии Божием, здесь, на земле начинающемся, христианство получает, обретает свою сущность, к нему сводясь в окончательном своем разумении и объяснении.

Сущность его, по растолкованию Гарнака, Ренана и Л. Толстого

Но что такое это Царствие Божие? Каково его внутреннее содержание? Как оно может быть понимаемо? В чем оно раскрывается, обнаруживается?

Известный германский учёный - церковный историк Гарнак, несколько лет тому назад издавший книжку "Сущность христианства", так рассуждает о Царствии Божием: "'Царство Божие наступает" - это значит, - пишет он, - что оно наступает для каждого в отдельности: оно основывается в душе человеческой, и человек принимает его. Царство Божие есть Боговластие; власть пресвятого Бога в отдельных человеческих сердцах, словом, оно - Сам Бог с своей силой... Природа этого царства - исключительно духовного свойства, обаяние его - в духовном величии, власть его простирается на внутренний мир, и только внутренним миром можно ощущать его... Во-первых, царство Божие - не от мира сего, оно дар свыше, а не продукт естественной жизни; во-вторых, ценность его чисто религиозная: оно есть внутренний завет с живым Богом; в-третьих, его наступление - это самое решительное из всего, что может переживать человек, - оно проникает и властно охватывает все его существо, отпуская ему грехи и избавляя от страданий" (Перевод В. и М. Блюм.).

Иначе рассуждает о Царствии Божием Ренан в его "Жизни Иисуса Христа". "Основная идея Иисуса Христа с самого уже начала состояла в водворении

царствия Божия. Но это царствие он разумеет различно. Иногда можно подумать, что это - демократический вождь, домогающийся лишь царства нищих. По временам Царствие Божие для него значит - буквально осуществление видений Даниила и Еноха (По словам Ренана, смысл этих видений сводится к предсказанию, что за четырьмя царствами нечестия, обреченными крушению, наступит царство пятое, царство святых, которое будет продолжаться вечно.). Наконец, он часто называет царствием Божиим царство души, а будущим освобождением - освобождение духовное... Все эти мысли, кажется, одновременно уживались в сознании Иисуса. Во всяком случае, на первой из них, о мировом перевороте Он, по-видимому, долго не останавливался. Ни блага земные, ни материальную власть Иисус никогда не считал достойными внимания... Что касается остальных двух воззрений на царствие Божие, то Иисус держался, по-видимому, их обоих вместе. Если бы Он был энтузиастом, вскруженным апокалипсисами (т.е. книгами Даниила и Еноха), поглощавшими в то время народное воображение, то Он остался бы темным сектатором. Если бы Он был каким-нибудь рационалистом-пуританином, то не имел бы ни малейшего успеха. Оба воззрения Его на царствие Божие, соединяясь в один узел, взаимно служили опорой друг другу... Часто Иисус объявлял, что царствие Божие уже началось, что всякий носит его в себе и может, если того достоин, им наслаждаться, что это царствие создает в себе каждый в тишине лишь чрез истинное обращение сердца. В таком случае оно означает не что иное, как успех добра, как лучший порядок вещей, как царство правды, водворению которого каждый верующий должен содействовать по мере своих сил. Или же как свобода души, как нечто близкое к тому, что буддисты называют "освобождением", плодом самоотрешения... Иисус был человек, пламеннее всех веривший в действительность своего идеала" (По изд. М.К. Мукалова 1916 года. С. 106, 112-113. Ср. 42-43, 26 и др.). "Его царствие Божие, конечно, было апокалипсисом, готовым явиться с небес. Но оно было также царством души, основанным на человеческой свободе и на том сыновнем чувстве, которое ощущает на лоне Отца добродетельный человек. Оно знаменовало чистую религию без обрядов, без храмов; оно знаменовало нравственный суд мира, представляемый внутреннему сознанию чистых, праведных душ".

Царствие Божие, по учению Л.Н. Толстого, более или менее всем известно. Оно "не во внешнем мире, а в душе людей". Оно не что иное, как исполнение заповедей Христа, в особенности же пяти. Им формулированных, заповедей Нагорной проповеди, говорящих нам, каково должно быть наше поведение, чтобы оно как можно более соответствовало идеалу любви, и повелевающих нам быть в мире со всеми, а если нарушен мир, употреблять все усилия к восстановлению его, соблюдать верность в брачной жизни, не давать никаких обетов, прощать обиды и не платить злом за зло и, наконец, не нарушать мира ни с кем даже во имя народного блага (не воевать). Во внешних формах царствие

Божие выразится так: "Ученик Христа будет беден; это значит, он будет не в городе, а в деревне, не будет сидеть дома, а будет работать в лесу, в поле, будет видеть свет солнца, землю, небо, животных; не будет придумывать, что ему съесть, чтобы возбудить аппетит, и что сделать, чтобы ускорить свое пищеварение, а будет три раза в день голоден, не будет ворочаться на мягких подушках и придумывать, чем спастись от бессонницы, а будет спать". В этом царствии Божиим не будет ни государства, ни властей, ни подчиненных, но все равны. Не будет и никакой собственности; богатства будут распределяться всецело по требованию любви; все будут равно трудиться и работать. "Своим" ничего нельзя будет назвать; все общее будет; "свое" будут лишь труды свои, которые дают человеку столько, сколько ему надо для существования.

Этим последним пунктом Толстой вплотную примыкает к социализму. Всеобщее счастье и довольство, обязательное братство, равенство и свобода для всех, безусловная справедливость во всех отношениях - вот, что написано на знамени, с которым социализм надеялся водворить на земле золотой век, - то, говорят социалисты, царство Божие, которое лишь все проповедует, но никак не может и в частице осуществить христианство.

Все вышеприведенные суждения о том, что такое есть царствие Божие, несмотря на расхождение их иногда до взаимного исключения одного другим, сходятся в следующих пунктах:

1. Идея Царствия Божия есть коренная, основная идея христианства. Гарнак и Ренан и Толстой одинаково категорично утверждают, что все учение Христа, т.е. все христианство, можно и нужно рассматривать, как проповедь царствия Божия.
2. Царствие это не только для неба и будущей жизни; оно основывается на земле и здесь уже получает то или иное, частичное или полное (у социалистов и Л. Толстого), осуществление; оно для земли и для земной жизни людей.
3. Оно есть благо, счастье, радость для людей и даже для всей вообще природы (у Л. Толстого). Оно несет правду и мир на землю; оно избавляет от греха и от страданий. Оно творит людей сынами Божиими; оно есть царство добра и истины.

Эти пункты схождения, согласия суть вместе с тем и пункты истины в понимании содержания и истинного смысла Царствия Божия; дальше в подробностях все эти понимания расходятся до диаметральной противоположности. Если Гарнак все Царствие Божие сводит к внутреннему самочувствию и самоощущению и таким образом индивидуализирует его, то Толстой и тем более социалисты всякое личное в его понимании зачеркивают,

умалют и смотрят на него почти исключительно как на общественное благо, безотносительно к личному счастью. Если для Гарнака оно есть как духовная, религиозная ценность, то для Толстого, и тем более социалистов оно совершенно о материализовалось, перешло в земное счастье и больше для тела, чем для души. Ренан занимает между этими, собственно говоря крайностями, как бы средину: по нему, оно и духовное освобождение для человека от внешнего, обрядового и земное благополучие, и праведность, и благосостояние; оно и внутри человека, потому что каждый им может наслаждаться, но оно и результат социального переворота. Эти пункты расхождения настолько существенны, что одно подрывая состоятельность другого, делают воззрение каждого из четырех взглядов на Царствие Божие в его целостности неприемлемым и верным лишь в тех или других частностях. Комбинируя эти частности, при путеводной звезде и основном руководстве Слова Божия, можно будет представить, надеемся, правильной христианский взгляд на то, что такое есть царство Божие.

Сущность его, по учению Слова Божия

Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам, - говорил Спаситель в Нагорной Своей беседе (Мф. 6, 33). Здесь Спаситель открывает пока одну сторону в содержании идеи царствия Божия, именно праведность - правду: в царствии Божиим - правда живет.

Но какая правда? Праведность, как внутренняя правда, как душевная чистота, как просвещённость истиною, как нераздельное единство помышления и действия, слова и жизни, верования и делания.

Не другое что, а то же самое, только более определенно и подробно, раскрывает и апостол Павел, когда говорит: *Царствие Божие не пища и питие, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе* (Рим. 4, 17). Здесь апостол Павел дает самое полное определение Царству Божию - сначала с отрицательной, а потом и с положительной стороны.

Толстой и социалисты не впервые выставили мечту о золотом веке, когда будет всем житья сытно и счастливо: мечта эта современна всему греховному человечеству. Ею жили и евреи времени Спасителя и апостолов. Ее-то и изобличает апостол Павел. Царствие Божие - этот золотой век жизни человечества - не в пищах и не в питии; оно не исчерпывается материальным довольством, к нему и не сводится. Пища, как обобщение всего материального богатства, знатности, довольства, славы и т.п., о чем мечтают наши социалисты и чего они решили добиваться для земли, не может быть основой счастья и радости человеческой: она никогда не удовлетворяет и не успокаивает; от большего все

хочется ещё большего; аппетиты раздражаются, является зависть, ненависть, вражда, злоба в одних людях и тупое самодовольство, мещанское счастье, животная ограниченность в других. Нет, в пище и богатстве начало царства, но только не Божьего, а духа вражды и злобы. Божье то, что мирит, единит, роднит, успокаивает, улаживает. Таковы - праведность, мир и радость.

Под праведностью здесь апостол понимает ту же правду, о которой говорил и Спаситель. Это видно из одинакового обозначения их одним и тем же греческим словом "dikaiosunh" (дикеосини). dikaiosunh - правда - употребляется в греческом языке со значением святости. Таким образом, содержание царствия Божия это - святость, мир и радость. Первое - святость - основное, второе - мир - производное и третье - радость - выводное, заключительное. Где святость, там не может быть вражды, ненависти, раздора; там полная удовлетворенность, братство, равенство, там мир. А где мир, там нет беспокойства, домогательства, страдания, горя и несчастья; там только радость. И радость эта - не низкая, земная, материальная; не радость удовлетворенного самолюбия и эгоизма, а радость во Святом Духе, т.е. радость чистая, светлая, любвеобильная, радость как ощущение или даже сознание полноты духовного бытия. *Царствие Божие не в слове, а в силе* (1 Кор. 4, 20). Царствие Божие, однако, не потому познается, что праведность, мир и радость в жизни осуществляются, а по той силе, которою и с которою они в жизнь проводятся. Сила эта всецело человека захватывающая и его себе подчиняющая есть воля Божия, есть, как выражается Гарнак, боговластие. "Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя как на небе, так и на земле". Вот как молиться к Отцу Небесному научил нас Спаситель. Чтобы на земле водворилось царствие Божие, нужно, чтобы воля Божия была здесь также господствующей, царственной, как и на небе. *Не всякий говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в царствие небесное, но исполняющий волю Отца Небесного*, - говорил Христос (Мф. 7, 21). И вот, когда эта воля воспринимается и сознается человеком, как его собственное произволение, тогда царствие Божие приходит не в слове, но в силе, - во всем блеске, полноте и могуществе, открывается как мирное благоволение, святая праведность, духовная, чистая, светлая радость о Духе Святе.

Итак, царствие Божие - это не социалистическое земное благополучие, не толстовское опрощение с безвластием; это - боговластие, выражающееся в святости, мире и радости среди людей, это воплощение "на земли мира и в человеках благоволения", воспетого ангелами родившемуся в Вифлееме Иудейском младенцу Иисусу.

Личное спасение и общественное служение в христианстве

В каких отношениях находится христианство к общественной жизни и к

деятельности? Благословляет ли оно работу христианина в качестве общественного или государственного служащего? Не зовет ли оно своих членов к отрешению от мира и жизни среди людей? Не обязывает ли оно каждого заботиться только о личном нравственном совершенствовании и о спасении себя? Удаление от мира в пустыню не главный ли долг христианина? Словом, христианство индивидуально или социально? Этими вопросами очень интересуется наша современность. Выдвинутые религиозно-философскими собраниями, они не сходят со столбцов газет даже и доселе. В том или ином разрешении их хотят видеть оправдание и осуждение всему христианству.

Евангельский призыв к личному совершенствованию

Призыв всех христиан к личному нравственному совершенствованию проходит красной нитью через весь Новый Завет. Заботу о душе Спаситель полагал основной задачей для Своих учеников. Сам, приходивший спасти души человеческие (см. Лк. 9, 56), Он наставлял больше всего бояться душу потерять, т.е. как-нибудь повредить ей, ибо *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Лк. 8, 36-37). С большим терпением, настойчивостью и, конечно, лишениями надлежит христианину спасти душу свою (см. Лк. 21, 19). Ради неё христианин должен оставить отца, мать, братьев, сестер, друзей своих, взять крест свой и идти вслед за Спасителем (см. Мк. 8, 34-37, ср. Мф. 10, 37-38), должен даже отвергнуться себя самого, т.е. своей личной жизни, со всеми её радостями и удовольствиями (см. там же), и предать душу свою Богу, как Создателю своему (см. 1 Пет. 4, 19). Поэтому апостол Иоанн Богослов заповедует не любить мира, ни того, что в мире, ибо *кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Ин. 2, 15), или, по словам другого апостола, *дружба с миром есть вражда против Бога* (Иак. 4, 4). Понятно теперь наставление Спасителя юноше, желавшему достигнуть нравственного совершенства: продать имение, оставить жизнь в мире и следовать за Христом и за это получить сокровище на небесах. В притчах о потерянной овце и пропавшей драхме Спаситель вскрывает преимущественное значение каждой отдельной личности в сравнении с обществом. Потерявши одну овцу, оставляет без своего надзора и попечения девяносто девять, чтобы найти первую; а женщина употребляет всяческие усилия для отыскания единой драхмы. При нахождении заблудшей овцы, радости на небе бывает более, чем о девяноста девяти праведниках (см. Лк. 15, 3-10). Ввиду столь великого значения личности человеческой, неудивительно столь строгое отношение ко всякому, соблазняющему ее, причиняющему ей ту или другую обиду: кто скажет, хотя бы во гневе, брату своему, что он пустой человек, тот подлежит уже суду (см. Мф. 5, 22; ср. Мк. 9, 42).

Устремляя внимание христианина на заботу о спасении души его ввиду высокого, исключительного значения личности человеческой, Спаситель повелевает особенно воспитывать сердце. Сердце есть центр наших чувствований; а значение чувствований в жизни человека весьма громадно. По утверждению психологов, у человека нет ни одного ни ощущения, ни представления, ни понятия, ни желания, ни мотива, в котором чувство не являлось бы не только спутником, но и деятелем, одною из движущих сил. Понятно, что и Спаситель, знавший душу человеческую, нравственное совершенствование человека полагал в определенную зависимость от состояния сердца человеческого. *Где сокровище ваше, - говорил Он, - там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21); поэтому и наставлял заботиться не о завтрашнем дне, а о царствии Божиим (см. Мф. 6, 31-34). Только имеющие чистое, ничем не нагрязненное сердце, могут Бога узреть (см. Мф. 5, 8). Как из дурного сердца *исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления*. (Мф. 15, 19), так и *из доброго сокровища, сердца своего добрый человек выносит доброе, ибо от избытка сердца говорят уста*. (Лк. 6, 45). Поэтому-то апостол Павел настойчиво молит христиан не ожесточать сердца их (см. Евр. 3, 8).

Чистое сердце, ничем мирским и своекорыстным не омраченная душа суть - необходимые условия праведности, к которой Спаситель всех христиан призывает. Ублажая алчущих и жаждущих правды, Он и жизни будущего века обещает удостоить только праведных (см. Мф. 25, 37, 46). По словам апостола Павла, праведность есть плод духа (см. Еф. 5, 9), почему апостол Петр, улаживая страдающих за правду, утешает их тем, что "очи Господни обращены к праведным" (1 Пет. 3, 12-14). Только праведник может быть совершенным, как совершен Отец наш небесный (см. Мф. 5, 48).

Христианская праведность

Так многократно по различным поводам и в разных изречениях, весьма ясно и убедительно Спаситель и Его апостолы призывают христиан заботиться о их личном духовно-нравственном совершенствовании как необходимейшем условии их спасения. Весь Новый Завет на всех своих страницах громко как бы говорит нам: христианин, будь прежде всего человеком; возрасти в себе духовно-нравственную личность. Но на каждой же странице Нового Завета запечатлено, что одним личным самоусовершенствованием подвиг христианина не должен заканчиваться: личное совершенствование есть только начало другой, большей работы и средство или, говоря вернее, необходимое условие её наилучшего совершения. Без другой, ещё большей и сложной работы не может быть даже и личного совершенствования, - вот приговор жизни Самого Христа и апостолов.

Настойчиво призывая христиан к праведности, Спаситель в то же время

указывает, в чём эта праведность должна заключаться. В данном отношении весьма характерны следующие Его слова, обращенные к слушателям Его: *Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20). Праведность, которую должны достигать Его последователи, должна быть выше и чище праведности книжников и фарисеев, должна превосходить ее. Праведность же этих последних хорошо известна: она заключалась в формальном исполнении внешних предписаний закона и вела к личному самомнению и гордости от сознания исправности их пред Богом. Поэтому-то она и не оправдывала, а осуждала евреев. Для христианина, говоря словами апостола Иакова, *чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях*" (Иак. 1, 27). Дела милости и любви - вот основные и непрменные свойства христианской жизни. Поэтому Спаситель и говорил в обличение фарисейской праведности: *что вы зовете Меня: Господи, Господи! и не делаете того, что Я говорю?* (Лк. 6, 46). А заповедь Спасителя всем хорошо известна: это любить Господа Бога и ближнего своего, как самого себя. В картине страшного будущего своего суда необходимость и естественность дел любви к ближнему и жизни для него Спасителем выражена в самой яркой и безусловно требовательной форме. Живущие жизнью любви наследуют царство Божие, а не сотворившие сего идут в муку вечную (см. Мф. 25, 34, 41).

В полном согласии со Христом и ученики Его постоянно и многократно говорят о жизни по вере, о делах благочестия, об истинной праведности чрез милосердие и благотворительность. Весьма показательны и содержательно следующее признание апостола Павла, сделанное им филиппийцам: *Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами, для вашего успеха и радости в вере* (1, 23-25). Несмотря на сильное свое личное желание отойти от мира и людей, соединиться со Христом, апостол Павел, однако, остается среди верующих, чтобы служить им, вести их ко спасению. Сознанием пользы для других руководствуется апостол, а не личными расположениями; первое полагается им выше второго. И близкому ученику своему Титу предписывает, чтобы *не быть бесплодным. .. позаботиться... об удовлетворении необходимых нужд*" некоторых христиан, дабы у них не было никакого недостатка (Тит. 3, 13-14). Ученики апостола должны заботу о ближних простирать на попечение об их материальных нуждах и о жизненных удобствах. *Кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, тот, по словам Иоанна Богослова, уже не ученик Христов* (1 Ин. 3, 17; ср. 2, 3-4).

Отношение личного совершенствования к христианскому

доброделанию

Носить немощи немощных, душу свою положить за други своя, не себе угождати, а быть всем вся - это не первичная ступень христианского делания; на неё нужно подняться долгими и многими упражнениями над своим личным внутренним миром. Только побеждающий в себе эгоистические наклонности, возвышающий истинного человека может искренне и охотно служить другому. Поэтому в христианстве идут не раздельно, а в полной согласованности требования от христиан как личного спасения, так и самоотверженного служения другим. Кто созидает первое, тот творит и второе; великий в малом утвердит себя в большом подвиге. Истинный христианин подобен, по словам Господа, закваске. Эта, будучи и в малой дозе положена, сквашивает все тесто. Но сквашивает только тогда, когда в себе самой содержит все свойства своей сущности; иначе и большой своей массой она не произведет никакого действия. Поэтому прежде чем сквашивать все тесто, необходимо приготовить надлежащую закваску. Так и христианину прежде всего необходимо себя самого воспитать в истинного человека, душу свою, говоря словами Евангелия, спасти, а потом уже воздействовать на мир, сквашивать все тело общечеловеческого благополучия.

Рост духовно-нравственного совершенствования личности христианина и ход влияния её на общественную жизнь выпукло представлен Спасителем в известной притче Его о зерне горчичном. Самое великое среди растений природы, большое дерево, приносящее плоды и дающее отраду птицам небесным и отдохновение путнику, начинается в своем росте обычно с очень маленького зернышка. И это зернышко, чтобы ему вырасти, непременно должно упасть в землю, - и не при дороге, чтобы не быть затоптану, и не среди терний, чтобы не быть ими заглушено, и не на камень, чтобы иметь возможность углубить корни, а на добрую почву. Почва - это как бы глубина сердечная, куда должно попасть слово учения Господня. Здесь оно должно прежде всего и непременно укорениться, чтобы никакая внешняя сила не смогла его вырвать. Укоренившись в глубине души - этой почве - зерно правды Божией непременно пустит росток, быть может и маленький, но здоровый в личной жизни человека. Человек, проникнутый сам сознанием жизни по правде, по-Божьи, выразит этот росток в мире, благодущии и радости в семье своей: росток, таким образом, уже выйдет наружу. Семья, в которой будут культивироваться и возрастать семена добра, истины и правды, даст духовное успокоение, силы бодрости и нравственной крепости всему и всем, с ней соприкасающимся, т.е. вырастет уже в большое дерево. И чем более будет крепнуть в семье все нравственно доброе чрез воплощение его её отдельными членами, тем более она будет служить общественному благу и радости, а следовательно, и счастью.

Жизнь постоянно нам свидетельствует, какое громадное нравственно-оздоровляющее и материально благодетельное значение имеют даже немногие отдельные нравственные личности, в коих семя добра глубоко запало в сердце, которые, по слову Спасителя, душу свою спасли. История жизни людей подтверждает это положение своими учениями о значении личности в жизни народов и государств. С другой стороны, постоянно кругом всех нас наблюдается то, что ничто доброе, хорошее не привьется в жизни, если проводники его, исполнители будут людьми дурными. Какие бы благие и разумные реформы ни вводились, какие бы гуманные законы ни писались, но если исполнители их будут, по древнему выражению, "супостаты" (Автор называет "древним выражением" строку из комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума" - "законы святы, да исполнители - лихие супостаты" . - Ред.), то не взойдет семя добра, не разукрасится древо жизни плодами радости и благополучия. Злая, не воспитавшая себя в добре личность ищет только своего и для себя; она раздражает, а не умиротворяет; она разоряет, а не созидает. И всякая постройка ею, по-видимому, и доброго, полезного начинания будет зданием на песке: подует ветер, пойдут волны, и дом рушится (В качестве иллюстрации к развиваемой здесь мысли подходит сборник "Вехи" (М., 1909). Семь авторов его - Булгаков, Бердяев, Гершензон и другие проводят в этом сборнике ту мысль, что так называемое освободительное движение 1905-1906 годов не удалось именно в силу личной неподготовленности к нему как деятелей его, так и воспринимателей. Вывод из сборника призывает всех, кто хочет послужить какому-либо общественному делу, заняться сначала приготовлением каждому себя: обратиться к личному духовно-нравственному самосовершенствованию.).

Теперь становится совершенно понятной вся безусловная истина слов Спасителя, что "царствие Божие внутри вас есть". Как вся прелесть цветка кроется в его бутоне и тот определяет собою расцвет и благоухание последнего, так и внутри человека заключается вся возможность его последующей деятельности и последняя раскрывает, развивает только внутри него находящееся царствие Божие.

Здесь мы подошли к основному вопросу нашей темы. Ясно, что христианство и индивидуально, ибо требует непременно личного нравственного совершенствования от каждого из членов своих, заботы от него о спасении его души, и социально, потому что с не допускающей никаких пере толкований требовательностью зовет их к служению на пользу общественную, к преобразованию мира и устройению его на началах правды Божией, любви Христовой. Христос Спаситель, Сам будучи жертвой любви Своей ради спасения рода человеческого, и в последователях своих желает видеть сосуд, исполненный всякого совершенства ради служения другу. Личное совершенствование есть начало, исходный пункт и в то же время

непремнейшее условие служения общественного, а это последнее есть естественное проявление полноты личного совершенства. Чем полнее и горячее первое, тем ярче и плодоноснее проявление последнего. Итак, спасти душу это значит, отвергнувшись всего, что эгоистически привязывает человека к личному услаждению жизнью и её чувственными прелестями, предоставив мертвецов погребать мертвецам, христианину создать себя в живого и деятельного члена тела Христова Церкви Его, живущего жизнью общею и работающего на общую пользу. А погубить душу это и будет значить стряхнуть с себя привязанность к себялюбию, чтобы, вырастив себя в мужа совершенна, поработать для Господа в лице низших братьев Его (см. Мф. 25, 40).

Указание христианством принципов жизни

Нередко не удовлетворяются вышесделанным уяснением отношений христианства к жизни в мире и к разным общественным служениям в нем и хотят в Евангелии видеть, как говорят, больше ясных, подробных и определенных указаний хотя бы на то, как относиться надлежит к различным экономическим, социальным и государственным служениям в мире. Желают иметь в Евангелии указания на всякий отдельный случай и положение человека в обществе и государстве.

Но возможно ли это? Евангелие не книга рецептных предписаний на отдельные случаи, кои к тому же ни перечислить, ни сгруппировать невозможно. Если бы оно устремилось к удовлетворению желаний разных лиц для отдельных случаев, то оно потеряло бы свой вечный, универсальный характер и стало бы книгой на известное время для известных отношений и положений. В том-то и величие христианской Книги Жизни, что в ней содержатся указания на все времена и для лиц во всех их положениях и служениях. В учении христианском указаны принципы жизни и даны руководственные наставления для всякого случая жизни. И горе жизни не в том, что не находим в Евангелии тех или иных мелочных указаний, а в том, что люди мало и плохо прислушиваются к голосу Христа. Кто чуток сердцем к Слову Божию, тот для всякого своего земного положения и служения найдет в Евангелии руководственное указание.

Вот один из многих таковых жизненных принципов, приведенный у апостола Иакова. *Братия мои!.. если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скудной одежде, и вы, смотря, на одетого в богатую одежду, скажете ему: тебе хорошо стать здесь, а бедному скажете: ты стань там, или садись здесь: у ног моих, то не пересуживаете ли вы в себе и не становитесь ли судьями с худыми мыслями?* И несколько далее: *Если брат или сестра наги и не имеют дневного*

пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы? (Иак. 2, 1-4, 15-16). Какая ясность и определенность выраженной здесь мысли! Какой обширный круг наших жизненных явлений охватывает она! Пройдут, как уже прошли, целые века, сменятся, как уже сменились, сотни поколений, а истина этих слов апостола навсегда останется самым основным и естественным правилом жизни. Если бы только было хотя и небольшое желание у людей помнить эти слова и руководиться в жизни своей ими, то и богатство было бы не зазорно, потому что употреблялось бы не для удовлетворения личных пожеланий, а поэтому не было бы предметом зависти дня одних и целью жизни для других; и отношения к людям расценивались бы не на вес золота, а личных достоинств и соответственных уважений, и исчезла бы вражда классовая и сословная. Не смотреть на лицо человека, как поступал и что Своим ученикам заповедал Спаситель, и воздавать всем должное, как учил апостол Павел (см. Рим. 13, 7), - вот правило не для пустыни и отшельнического уединения, а для мира сего со всеми его заботами и нуждами.

Или вот ещё пример. Иногда христианству ставят в упрек, что ни Спаситель, ни апостолы не высказались определенно о жизни в государстве, об отношениях к различным формам правления. Но как об этом можно было говорить Спасителю и апостолам, если условия государственного устройства и формы правления случайны, временны, как явления чисто человеческого порядка. Зато у Спасителя выставлен самый непререкаемый и жизненный при всех человеческих переменах принцип: *воздадите кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21). Как бы общество человеческое ни возрастало, как бы государственное устройство его ни разнообразилось, как бы формы правления у него ни изменялись, но кесарь, как тот или иной представитель власти, всегда у него останется. Против этого положения сильно, страстно восставали анархисты, требуя безусловного упразднения в человеческом обществе всякой власти; но в конце концов и они должны были признаться, что без власти люди обойтись не могут; она для них, при их эгоизме и страстях, необходима; и они рассуждают уже теперь об условиях осуществления начала власти в обществе. А это уже совсем второстепенное дело. И Спаситель, не выставляя никаких подробностей, не указывая частных о государственном строе, ибо все это - случайности, и притом временные, выставляет общечеловеческое и постоянное, что необходимо всему человечеству, против чего возражать уже не приходится и что нужно признать как безусловную жизненную норму.

Личное спасение и общественное служение - это не две разрозненных линии, уходящих в разные стороны и увлекающих христиан к взаимному непониманию и отчуждению, а единый путь для многогранной души человеческой в ее устремлении и себя спасти, и других ко Христу привести.

Христианство и культура

Нередко не удовлетворяются вышесделанным уяснением отношений христианства к жизни в мире и к разным общественным служениям в нем и хотят в Евангелии видеть, как говорят, больше ясных, подробных и определенных указаний хотя бы на то, как относиться надлежит к различным экономическим, социальным и государственным служениям в мире. Желают иметь в Евангелии указания на всякий отдельный случай и положение человека в обществе и государстве.

Но возможно ли это? Евангелие не книга рецептных предписаний на отдельные случаи, кои к тому же ни перечислить, ни сгруппировать невозможно. Если бы оно устремилось к удовлетворению желаний разных лиц для отдельных случаев, то оно потеряло бы свой вечный, универсальный характер и стало бы книгой на известное время для известных отношений и положений. В том-то и величие христианской Книги Жизни, что в ней содержатся указания на все времена и для лиц во всех их положениях и служениях. В учении христианском указаны принципы жизни и даны руководственные наставления для всякого случая жизни. И горе жизни не в том, что не находим в Евангелии тех или иных мелочных указаний, а в том, что люди мало и плохо прислушиваются к голосу Христа. Кто чуток сердцем к Слову Божию, тот для всякого своего земного положения и служения найдет в Евангелии руководственное указание.

Вот один из многих таких жизненных принципов, приведенный у апостола Иакова. *Братия мои!.. если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скудной одежде, и вы, смотря, на одетого в богатую одежду, скажете ему: тебе хорошо стать здесь, а бедному скажете: ты стань там, или садись здесь: у ног моих, то не пересуживаете ли вы в себе и не становитесь ли судьями с худыми мыслями?* И несколько далее: *Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы?* (Иак. 2, 1-4, 15-16). Какая ясность и определенность выраженной здесь мысли! Какой обширный круг наших жизненных явлений охватывает она! Пройдут, как уже прошли, целые века, сменятся, как уже сменились, сотни поколений, а истина этих слов апостола навсегда останется самым основным и естественным правилом жизни. Если бы только было хотя и небольшое желание у людей помнить эти слова и руководиться в жизни своей ими, то и богатство было бы не зазорно, потому что употреблялось бы не для удовлетворения личных пожеланий, а поэтому не было бы предметом зависти дня одних и целью жизни для других; и отношения к

людям расценивались бы не на вес золота, а личных достоинств и соответственных уважений, и исчезла бы вражда классовая и сословная. Не смотреть на лицо человека, как поступал и что Своим ученикам заповедал Спаситель, и воздавать всем должное, как учил апостол Павел (см. Рим. 13, 7), - вот правило не для пустыни и отшельнического уединения, а для мира сего со всеми его заботами и нуждами.

Или вот ещё пример. Иногда христианству ставят в упрек, что ни Спаситель, ни апостолы не высказались определенно о жизни в государстве, об отношениях к различным формам правления. Но как об этом можно было говорить Спасителю и апостолам, если условия государственного устройства и формы правления случайны, временны, как явления чисто человеческого порядка. Зато у Спасителя выставлен самый непререкаемый и жизненный при всех человеческих переменах принцип: *воздадите кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21). Как бы общество человеческое ни возрастало, как бы государственное устройство его ни разнообразилось, как бы формы правления у него ни изменялись, но кесарь, как тот или иной представитель власти, всегда у него останется. Против этого положения сильно, страстно восставали анархисты, требуя безусловного упразднения в человеческом обществе всякой власти; но в конце концов и они должны были признаться, что без власти люди обойтись не могут; она для них, при их эгоизме и страстях, необходима; и они рассуждают уже теперь об условиях осуществления начала власти в обществе. А это уже совсем второстепенное дело. И Спаситель, не выставляя никаких подробностей, не указывая частных о государственном строе, ибо все это - случайности, и притом временные, выставляет общечеловеческое и постоянное, что необходимо всему человечеству, против чего возражать уже не приходится и что нужно признать как безусловную жизненную норму.

Личное спасение и общественное служение - это не две разрозненных линии, уходящих в разные стороны и увлекающих христиан к взаимному непониманию и отчуждению, а единый путь для многогранной души человеческой в ее устремлении и себя спасти, и других ко Христу привести.

Понятие о культуре

Слово "культура" происходит от латинского глагола "cultura" - обрабатывание, возделывание. Прежде всего оно прилагается к земледелию: что из земли растет само, без приложения человеческого усилия, есть продукт природы, а что благодаря человеческой работе принимает вид и форму, - это продукт культуры. Обработкой камня и дерева человек создает орудия, так называемую техническую культуру. В широком смысле слова под культурой мыслится все, что есть результат целесообразной и планомерной деятельности человека:

обычаи, права, общественный строй, художественные произведения, наука и т.п. Все это создается человеком для улучшения его жизни, для более наилучшего устройства своего положения на земле, для победы над стихиями мира, а поэтому на всем этом лежит печать человеческого почина и человеческих интересов. Культура как искусственное таким образом противопоставляется природному, естественному. Это противоположение не есть результат условной, эмпирической классификации явлений; оно проистекает из глубочайших трансцендентных оснований: из метафизической противоположности между субъектом и объектом. Часть жизни предстоит сознанию объективно, как данное, как существующее само по себе, независимо от воли и активности познающего субъекта. Это есть природа. Другая же часть дана как продукт автономного творчества сознающего духа; она неразрывно связана с "я", как с последней и изначальной точкой (см. статью С. Франка "Природа и культура").

Такое обычно принятое растолкование понятия культуры в полной степени находит для себя оправдание в Библии.

Отношение к культуре в Ветхом Завете, принятие её Иисусом Христом и апостолом Павлом

Господь Бог, создавши первых людей, благословляя их, сказал им: *плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею. и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всей землей...* (Быт. 1, 28). Итак, обладать землею или, как сказано в другом месте Библии, "возделывать" её - это поставлено человеку в задачу его жизни, как одно из средств не только питания его, но и нравственного совершенствования. И для осуществления им его задачи ему предоставлен был полный простор, в пределах, конечно, нравственной возможности. И люди скоро, как свидетельствует Библия, для наилучшего обладания землей изобретают разные медные и железные инструменты, потребные для устройства жилищ, для земледелия, скотоводства, охоты, войны и музыки. И Библия, укоряя этих и им подобных изобретателей за дурную их жизнь, за обращение этих культурных новшеств на услаждение сластолюбия и на служение греху, эти самые инструменты оставляет человеку как необходимые и полезные ему, сами по себе нравственно безгрешные. Культура, искусство родились у человека хотя после уже греха его, но не как проявление последнего. И без него бы человек призывался к культурной деятельности, хотя, быть может, и в другой форме и в других видах её осуществления. Важно в данном случае не одновременное её появление со грехом, а ее естественная неизбежность. Человек лишь злоупотребил: орудия искусства, назначенные для обладания землей и вообще всей природой, человек обратил на служение своим греховным пожеланиям

обратил на служение своим греховным пожеланиям.

И во многих других местах Слово Божие, говоря об отношении человека к обладанию его природой и о пользовании им её явлениями, никогда не укоряло его за изобретения и усовершенствования чисто культурного характера. Зодчество обращено было на устройство Дома Божия, храма молитвы; поэзия и музыка - на прославление Господа; литература и художество ~ на воплощение учения о Боге и человеке. И кто видывал красоту строений иерусалимских и, в частности, храмовых, хотя бы в картинных воспроизведениях, тот не может не восторгаться высотой и чистотой их стиля и отделки. Поэзия псалмов и хотя бы "Песни песней" ценится по достоинству теми, кто знаком с древнееврейским языком. А музыка древних евреев занимает весьма почетное место в истории музыки вообще.

Правда, о Спасителе ничего нельзя сказать как о благословившем как-либо продукты культуры. Но Он их и не отрицал нисколько, никогда и ни одним словом или намеками. Самым же фактом Своей жизни в условиях еврейской культуры, как пользовавшийся ею и для своей личной человеческой жизни, и для своей проповеди (лодки на озерах, мережи для ловли рыбы, платье и т.п.), Христос Спаситель принял се и чрез это самое освятил и признал её служебное значение для человека. Если же обратим внимание на-то обстоятельство, что Спаситель Сам носил красивое, прекрасно приготовленное одеяние, любил выбирать для проповеди красивые места, пользовался сравнениями и уподоблениями из красот природы - полей и лугов, то и вовсе должны будем признать полную приемлемость Им всего прекрасного, и не только как оно существует в природе, но и как оно отображается в искусстве.

Весьма примечательные слова встречаем мы у апостола Павла: *всё мне*, - говорит он в первом послании к коринфянам, - *позволительно* (7, 12). И эту фразу повторяет дважды. С большим содержанием эти слова. Широкую свободу предоставляют они человеку. Все существующее, всю природу и, следовательно, всю культуру они принимают и передают ее человеку. Человек поставляется полным хозяином, неограниченным владельцем и обладателем всего. Апостол здесь в полной мере воспроизводит слова Господни, сказанные Им при введении человека в обладание, пользование землей после его сотворения. Все, что ведет человек к осуществлению им этих его прав, приемлется апостолом. И конечно, чем легче человеку будет подходить к этому осуществлению, т.е. чем более он будет изобретать усовершенствованные орудия и инструменты, чем более он будет владеть и повелевать стихиями природы, чем более красивой и радостно-приятной он будет делать свою жизнь, тем ближе он будет к цели своего земного бытия - нравственному совершенствованию, а чрез него и богоуподоблению.

Принятие её Церковью

И Церковь христианская, верная указаниям Библии и примеру Христа, приняла и осветила все, что мыслится под словом "культура". Все явления, продукты культуры она обратила между прочим на служение своим возвышенным целям, воспользовалась ими для проповеди христианского учения, для наилучшего обращения сердца человеческого к Богу, для изливания его скорбей и радостей, для призыва к человеку идти ближе к Богу, уподобляться и служить Ему. Какие в христианстве величественные храмы, то и готике кверху - к Богу мысль и сердце устремляющие, то в византийско-русском стиле самым небом как бы покрывающие землю, небо низводящие на землю. Художественно-изобразительное искусство населило не только храмы, но и дома, и деревни, и даже поля и дороги христианских поселений целым сонмом святых и ангелов, присутствием Богоматери и самого Христа Спасителя. Слух христианский с самых древних времен услаждается прекрасным, гармоническим пением и музыкой. Целые сложные мистерии были к услугам христианского зрения, картинами воспроизведенных древнейших событий призывая христианина в красоте красок и звуков находить свой образ и свое назначение. Наука христианская, воспользовавшись языческими философскими их учениями и системами, создала свою возвышенную литературу, дала Василия Великого с его шестодневном (научным объяснением творения мира), Иоанна Златоуста, с его ораторским красноречием непревзойденного проповедника, блаж. Августина, с его "градом Божиим" целой системой христианского государства, Иоанна Дамаскина, с его замечательным богословием. Романа Сладкопевца творца церковных песнопений, красота и привлекательность которых ясна всякому, знающему греческий язык (В нашем Институте гражданских инженеров церковь построена в честь свщмч. Симеона, Сродника Господня. Святой этот был "древоделателем", т.е. своего рода зодчим и служителем культуре. В посвящении нашего Института этому святому зодчему лежит глубокая мысль: специальная отрасль культуры - зодчество - приемлется в единение храмовое и церковное и благословляется.)...

Культура как обнаружение жизни души человека и как служительница религиозно-нравственному совершенствованию его

Иначе отнестись к культуре, как принять и благословить ее, христианство и не могло как по самому существу своему, так и по идее, заложенной в основе всего культурного.

Культура как обнаружение жизни души человека и как служительница религиозно-нравственному совершенствованию его

культура ведь есть выявление, обнаружение жизни человеческого духа; она обусловлена в своем бытии не только стремлением победить природу, но и потребностью внутренней жизни души. Жизнь души не может замыкаться сама в себе; она невольно родит факты и явления из себя и вокруг себя; она творит внешнюю, так сказать, обстановку для себя. Душа же как отображение Божества, будучи по природе своей христианкой, по свидетельству одного древнего церковного писателя, не может выявлять, производить ничего противного себе, и даже не согласного с её содержанием. Она, следовательно, и культуру может творить по образу и подобию своему, т.е. религиозную, христианскую. И культура, как результат целеполагающей деятельности разумного духа человеческого, не есть и не может быть излишней, ненужной и тем более вредной для жизни христианина: она есть внутренняя, существенная, неизбежно естественная сторона бытия его. Культура нужна как одно из важнейших звеньев на пути совершенствования души человека; она и большой важности помощница ему здесь.

На самом деле, что бы мы ни взяли из проявлений культуры, всюду с самою наглядною ясностью видим эту служебно-христианскую сторону в ней. Вот литература. По-видимому, она служит временным, случайным и слишком уже человеческим интересам и пожеланиям. А ведь фактически-то она является большой путеводительницею ко Христу. Чему другому она служит, особенно наша русская художественная литература, как не призыву к человеку - быть человеком, оставить зло и грязь жизни, просветиться подлинным светом истины, добра и правды. Имена не только Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, но и гораздо меньших из писателей, даже иногда богоборчески настроенных, как Л. Андреев или М. Горький, утверждают не только нас, русских, но и заграничных ценителей литературы в глубоко моральном содержании и влиянии её на читающее общество. А произведения художественного творчества - пластика, живопись, музыка разве не великие учителя наши, отрывающие нас от суеты и пошлости жизни и устремляющие наши ум и сердце горе, к высшему, прекрасному, идеальному, божественному! Едва ли найдется такой зачерствелый в сердце своем человеке, настолько погрязший в тине и пошлости жизни, который бы остался холодным и бесчувственным, смотря на прекрасное произведение кисти художника, слушая гармонию звуков в музыке, даже слушая артистическую декламацию!.. Как в такие минуты слушания и рассматривания человек как бы умирает для всего земного, обыденного, страстного, грешного! Как у него мало-помалу рождаются сначала какие-то неопределенные, смутно ощущаемые новые чудные душевные состояния, которые потом, все более и более проясняясь, творят новое в душе его, в настроениях, мыслях и желаниях. В такие минуты человек поистине как бы беседует с Богом и молится Ему... Все истинно культурное, все высоко художественное есть просвет куда-то в иную чистую, светлую область бытия, касание иных миров. Оно есть призыв к

прекрасному и истинному, т.е. к Божественному. Воплощать и выражать прекрасное это значит служить красоте, а красота в подлинном своем лике всегда божественна, ибо и Бог есть непременно красота. Недаром древние любители и ценители красоты греки говаривали, что эстетика и этика, т.с. красота и нравственность, суть родные сестры, дочери одной матери - религии. Поэтому - жить в области красоты значит жить уже религиозно. Отсюда станет понятным и то, что великие художники слова, нередко отдаваясь стихиям своей плоти и страстям, нутром своим, душой своей тяготели к Богу и Ему слагали песни (Пушкин, Лермонтов); великие художники и музыканты, композиторы и певцы, творя образы и звуки, лучшее из своего творчества, проявили в религиозных произведениях (Айвазовский, Чайковский и др.); одаренные искрой Божией писатели, устремляясь к богоборчеству, зовут, хотя и невольно, но повелительно и громко к Господу Богу (Л. Андреев, М. Горький и др.).

Разрыв у культуры с христианством от изменения содержания и характера у современной культуры

К сожалению, за последнее столетие произошел разрыв у культуры с христианством и с религией вообще. И произошел этот разрыв не по вине христианства. Последнее остается и теперь таким же, каким оно было и в далекие древние времена; оно так же и теперь приветливо и благосклонно относится к культуре и принимает ее, как и в древние времена; всеми плодами её оно и теперь не менее, если не более, пользуется, рост и процветание их поощряет, как и прежде, всегда. Но в культуре произошло очень заметное изменение; изменился *дух, характер и направление* ее. Или, вернее сказать, изменился взгляд на культуру и отношение к ней со стороны интеллигентного общества. Культура из средства обратилась в цель, из служебного орудия в самодовлеющее начало.

Под влиянием многих разнообразных условий повелось у нас, даже нередко у людей религиозных, эту земную жизнь считать за единственную, всецело бытие человеческое исчерпывающую. Все полагается здесь на земле; за ней если что и видится в минуты религиозных размышлений, то в деятельности жизненной все это забывается, не приемлется в расчет. Сведя смысл своего бытия к этой земной жизни, человек, естественно, захотел её сделать как можно более красивой, привлекательной, радостной, усладить её всеми прелестями, какие только можно взять от земли и на земле. Для этого прежде всего было обращено внимание на культуру; она призванной оказалась выполнить эту задачу - усладить, разукрасить, обеспечалить землю. И культура невольно, но естественно, сошла со своего высокого пьедестала отобразительницы высшего мира в быте и обстановке человека, и стала в положение успокоительницы и усладительницы человека. Она очень нерепко перестает звучать ему гармонией из налзвездного

Земля. Она с тех пор перестала быть для нас гармонично изобретенным миром и будить в нем божественное, святое; она стала прилаживаться к его низменным вкусам и стремиться удовлетворять их. В результате, вместо того, чтобы преобразовать мир в образ высшей истины и красоты, культура стала утверждать мир в его настоящем виде и состоянии. Земля, мир стали овладевать человеком, и он из положения господина, обладателя земли стал обращаться в слугу его.

В мире же этом самое близкое и родное человеку - это его плоть, частица этой земли. Она всегда привлекает к себе внимание человека, зовет на служение себе, и нет ничего сладостнее для человека, как угождать своей плоти, доставляя ей приятности и удовольствия. Естественно с сосредоточием исключительного внимания человеком на земле, он стал, прежде всего, заботиться об угождении в себе всему плотскому, чувственному и, конечно, культуру также обратил в эту сторону, сделав её угодницею в себе греховному, низменному. Литература стала восторгаться Саниными и проповедовать культ тела; художество породило из себя порнографию; музыка стала возбудителем страстей, и театр из школы жизни стал школой дурных нравов и местом дурных увеселений...

Конечно, такая культура не может быть приветствуема и даже допускаема христианством. Она - совершеннейшее противоречие ему, противоречие потому, что она в этом своем положении теряет свою надлежащую сущность, перестает быть тем, что она есть и чем должна быть. Вместо высшего она утверждает низшее, вместо вечного - временное, тленное, вместо прекрасного и истинного - ложное, фальшивое, намалеванное. И человека приводит она от состояния его свободного пользования плодами культуры к рабскому служению тлению, необходимости и даже ей самой - культуре.

Рабство наше пред культурой

Желая, в целях личного наслаждения разукрасить свою жизнь плодами и цветами культуры, человек естественно стал усиленно заботиться о развитии и усовершенствовании ее. Эта забота увлекла его. Он стал отдавать ей все свое внимание, время и весь свой труд. И незаметно поставил себя в служебное положение к ней. В настоящее время не столько культура служит человеку, сколько человек оказался в рабстве у нее: все для неё и только немного от нее, и то после усиленных трудов и домогательств, больших жертв и самопожертвований. Культура стала своего рода богом, идолом. У немалого количества поклонников её создан даже целый культ культуры, настоящая религия культуры. Даже самый человек стал оцениваться с точки зрения служения его этой культуре: диплом на звание человека стал выдаваться только деятелю в области этой культуры и культурность становится синонимом

человечности. Не культура должна подниматься до подлинной человечности и божественности, а последняя низводится до уровня земной, плотяной, приятной культуры.

Такое перемещение центра тяжести с достоинства человека на задачи культуры, конечно, христианством принято и тем более одобрено не может быть. Принять его значило бы унижить человека до простой только персти земной, до животного. Принять его значило бы и религию низвести до тешащей человека культуры и убить в нем устремление к высокому, истинному, прекрасному. Принять его не может и сама культура, как выразительница высших устремлений человека, как касание иных миров, как средство преодоления тления и тины жизни и преображения земли. Принять не может и разум человеческий, всегда человеку и в нем самом, и в окружающей его природе открывающий мир идеальный, Божественный и побуждающий реализовать его...

Поэтому-то так сильно, звучно, настойчиво и громко раздается протест со стороны людей культуры, со стороны многих представителей нашего интеллигентного общества, протест против культуры в современном, неистинном понимании ее, протест во имя спасения достоинства культуры и истинного высокого значения её (Весьма характерны рассуждения по содержанию докладов В.В. Розанова и Н.А. Бердяева на бывших в 1907 году собраниях религиозно-философского общества (см.: Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества, вып. II, 1908). И ещё весьма интересны книжки А. Мейера "Религия и культура" (Спб., 1909), С. Воинова "Христианство и культура" (М., 1911). Интересна в своем роде и книжка В.В. Розанова "Религия и культура").

Патриотизм и христианская любовь ко всем

Желая, в целях личного услаждения разукрасить свою жизнь плодами и цветами культуры, человек естественно стал усиленно заботиться о развитии и усовершенствовании ее. Эта забота увлекла его. Он стал отдавать ей все свое внимание, время и весь свой труд. И незаметно поставил себя в служебное положение к ней. В настоящее время не столько культура служит человеку, сколько человек оказался в рабстве у нее: все для неё и только немного от нее, и то после усиленных трудов и домогательств, больших жертв и самопожертвований. Культура стала своего рода богом, идолом. У немалого количества поклонников её создан даже целый культ культуры, настоящая религия культуры. Даже самый человек стал оцениваться с точки зрения служения его этой культуре: диплом на звание человека стал выдаваться только

деятелю в области этой культуры и культурность становится синонимом человечности. Не культура должна подниматься до подлинной человечности и божественности, а последняя низводится до уровня земной, плотяной, приятной культуры.

Такое перемещение центра тяжести с достоинства человека на задачи культуры, конечно, христианством принято и тем более одобрено не может быть. Принять его значило бы унижить человека до простой только персти земной, до животного. Принять его значило бы и религию низвести до тешашей человека культуры и убить в нем устремление к высокому, истинному, прекрасному. Принять его не может и сама культура, как выразительница высших устремлений человека, как касание иных миров, как средство преодоления тления и тины жизни и преображения земли. Принять не может и разум человеческий, всегда человеку и в нем самом, и в окружающей его природе открывающий мир идеальный, Божественный и побуждающий реализовать его...

Поэтому-то так сильно, звучно, настойчиво и громко раздается протест со стороны людей культуры, со стороны многих представителей нашего интеллигентного общества, протест против культуры в современном, неистинном понимании ее, протест во имя спасения достоинства культуры и истинного высокого значения её (Весьма характерны рассуждения по содержанию докладов В.В. Розанова и Н.А. Бердяева на бывших в 1907 году собраниях религиозно-философского общества (см.: Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества, вып. II, 1908). И ещё весьма интересны книжки А. Мейера "Религия и культура" (Спб., 1909), С. Воинова "Христианство и культура" (М., 1911). Интересна в своем роде и книжка В.В. Розанова "Религия и культура").

Патриотизм и космополитизм

Патриотизмом называется любовь к отечеству. Под последней разумеется любовь к тому месту, где каждый из нас родился и вырос, где находятся могилы наших предков, с чем, следовательно, соединяются различные воспоминания детства и молодости. А так как каждый из нас живет не одиноко и оторвано от всех, а среди своего народа, то под отечеством принято разуместь не только самую территорию, но и народ, среди которого мы выросли и воспитание получили и частью которого, следовательно, являемся. Это самое общее, так сказать, внешнее, чувственное определение отечества.

Как мы знаем с первых детских уроков географии, каждое местечко, каждый лесок и лужок, каждая речка в наших детских воспоминаниях связываются с каким-нибудь впечатлением, им на нас произведенным, с тем или иным

влиянием, от них полученным, и настроением, нами среди них пережитым. Родина как территория в значительной степени способствовала созиданию в нас известной духовной личности с определенными взглядами, понятиями и из них проистекающими взаимоотношениями. При действии этих условий духовная личность созидалась не только в отдельных индивидуумах, но и во всем народе, который живет в известной местности. Народ - тоже личность, хотя и коллективная, с определенным духовно-умственным настроением, с научным мировоззрением, с его определенной культурой, с тем, что называется вообще талантом или даже гением народным. Отсюда и любовь к отечеству не есть только, или даже главным образом, любовь к дорогому для нас месту, ни даже к населяющему её народу, но в значительной степени является любовью к той культуре, к тому мирозерцанию, к тому духу и идее, носителем и выразителем которых является наш народ. Как каждый из нас не может оторвать себя физически от тела народного, от которого он родился, так в равной степени не в состоянии отделить себя и от духа народного. Поэтому последний со всем порождаемым им - культурой, цивилизацией и т.п. - и является близким, родным нам, милым и дорогим для нас; мы любим его как свое личное достояние, как мать, духовно породившую и идейно повившую нас, в полном смысле слова отечество свое.

Любовь к отечеству, покоящаяся на таких духовных началах, далека по самому существу своему от животной любви; объектом её является не столько плоть, как дух, и побуждениями к ней служат не выгоды личности, хотя бы и коллективной, а идейное культурное возвышение ее, а если и первое, то главным образом как средство и условие для второго. Неудивительно поэтому, что патриотизм есть явление всеобщее в роде человеческом, и так же он естествен, законен и понятен, как все нормальное и необходимое в жизни человека. Совершенно неестественным, безжизненным представляется противоположное ему направление - космополитизм.

Космополитизм, быть может, есть и очень умное, логически обоснованно течение мысли, но совершенно нежизненно оно. Головой его можно понять и, пожалуй, принять; но сердце человеческое всегда будет против него. Космополитизм требует отрешиться от любви ко всему, что дорого и мило; заставляет каждого уверить себя, что у него нет и не должно быть никакого отечества, что он есть гражданин всей вселенной. Но как вспомнит каждый о своем детстве, представит родные поля и речки, заглянет в душу свою, так и увидит, что не все одинаково притягивает его, не на все одинаково отзывается не только чувство, но и мысль его. Как только каждый взглянет внутрь себя, заставит продумать или даже только почувствовать свои внутренние переживания, свои мечты и идеалы, свои умственно-духовные устремления и

культурные достижения, как весьма требовательно сознает, что не все народы и государства одинаково родственно близки ему и духовно понятны и приемлемы им, что, действительно, есть у него отечество, отказаться от которого он не может. Космополитизм есть теория, быть может, и очень красивая, но жизнь его никогда не признает; космополитизм - мечта, не имеющая данных для своей практической реализации.

Будучи фактом естественным и вполне законным, патриотизм не является ли таковым только для обычного мирского, плотски живущего, человека, - пожалуй, человека-язычника? Возможен ли он в христианстве, для людей-христиан? Ощущаемая всем существом человека любовь к отечеству, встречаясь с заповедью нашего Учителя и Господа о любви ко всем людям, порождает недоумения и смущения. Человек-христианин видит себя в невозможности отказаться от первой и тем более сознает невозможным для себя уйти от Христа через несоблюдение заповеди Его. Где же правда и успокоение?..

Учение Иисуса Христа о любви

Христос Спаситель наш, действительно, призывает нас иметь любовь ко всем людям. *Любите врагов ваших, - заповедует Он нам, - благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44). Любовь, значит, не знает обижающих нас, она должна простираться и на всех врагов наших, а не только на любящих нас. Расширяя область объектов христианской любви, апостол Павел говорит, что для христианина не должно быть *ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного* (Кол. 3, II). Для любви не должно быть ограничений ни по народам, ни по племенам, ни по имущественному, ни по научному цензу: любовь не знает перегородок человеческих, она всеобъемлюща, универсальна.

Призывая нас - своих последователей - к столь всеобъемлющей любви, Христос, однако ж, не отклоняет нас от патриотизма; Его любовь нисколько не противоречит любви к отечеству, но благословляет ее. Это мы должны признать, рассуждая уже теоретически. Мог ли Спаситель зачеркнуть самое естественное, всем людям присущее, чувство любви к отечеству? Он, Который льна курящегося не угасил, трости надломленной не преломил, жизнь человеческую принял, освятил и благословил и всему законно-нормальному в ней дал лишь истинное выражение и должное направление. И патриотизм Им мог быть только утвержден. Это теоретическое предположение оправдывается как анализом чувства любви, Христом проповеданной, так и Его учением о ней.

Свойства любви

Любовь не есть логическое построение или холодный вывод из силлогизмов; она есть чувство, и при этом чувство, сильно захватывающее и волнующее человека. Проникнутый им человек не может быть безучастным к предмету своей любви. *Активность - коренное свойство любви.* Кто любит, тот действует, творит. Любовь бесплодная - это любовь мертвая, любовь на словах, это в известном смысле - прелюбодеяние, измена, подмена истинной любви. Как активное начало в человеке, любовь непременно требует наличности предмета любви: она *конкретна*, в своих проявлениях. Любить можно что-либо определенное, реально существующее, хорошо мне известное, как бы предо мною стоящее. Любить неведомое - невозможно. Эти свойства любви призывают нас любить прежде всего тех, кто пространственно около нас, вместе с нами: их мы чаще и больше всего видим, на них, естественно, прежде всего и изливается наша любовь. Отсюда полная психологическая законность любви сначала в пределах семьи, потом определенного общества, народа и государства. Вот дитя, - оно пока только член семьи; на неё естественно и изливается его любовь, ибо в ней вся его жизнь и члены ее всегда около него. Ставши школьником, он расширяет круг своих отношений к людям; параллельно этому увеличивается и количество объектов его любви. С вступлением своим в жизнь как член общества, а потом народа и государства, он ещё шире распространяет свою любовь; им охватывается ещё больший круг людей, нуждающихся в его любви и пользующихся ею. Так любовь, оставаясь единой и нераздельной в своей сущности, ширится и растет в объектах своих проявлений. Без первой своей ступени - выражения в семье - она обойтись не может: никто не в состоянии прямо сразу начать любить дальних, оставивши ближних вне своей любви: не воспитанная здесь, любовь не даст ростков и на обширном поле народности и государственности. А в постепенной последовательности выраженная как любовь к отечеству, она затем не будет знать пределов своего распространения и объектов своей досягаемости: она последовательно перейдет, действительно, на всех людей.

Так расширяясь в своем объеме, любовь не ослабевает в своей интенсивности. Родители, всю силу своей любви отдающие первенцу - своему дитяти, думают, что они не в состоянии будут любить других детей, если таковые у них будут. Но рождается второй, третий, любят они и этих детей не менее и не слабее, чем как любили первенца, не уменьшая несколько силы любви и к этому. Дитя, сильно любящий своих новых школьных товарищей, не охладевает в своей любви к своим родным братьям и сестрам. И любовь к отечеству как не ослабляет любви к своему обществу и народу, так и сама не уменьшается, переходя на все человечество. Таково уж свойство любви: она стремится к все большему и большему распространению, не теряя в своей напряженности и горячности. И патриотизм является необходимым звеном в цепи многообразных выражений

любви.

Обоснование патриотизма у Иисуса Христа

И Христос Спаситель, говоря об универсальности заповедуемой Им любви, не только нисколько не говорит против патриотизма, но дает ему ещё новые, более глубокие обоснования.

Сводя весь закон к двум заповедям - любви к Богу и любви к ближнему, - Спаситель по различным поводам и во многих изречениях уясняет, кого же нужно разуметь под этим ближним. Не приводя много, ограничимся Его прямым ответом на прямо поставленный ему со стороны одного законника вопрос: кто мой ближний? Ответ Спасителем дан в притче о милосердом самарянине (см. Лк. 10, 30 и 9), и сущность его сводилась к положению, что ближним своим мы должны считать всякого человека, который нуждается в нашей помощи, кому мы можем оказывать нужные, полезные ему услуги. А их мы можем оказывать прежде всего и естественнее всего тем, кто пространственно к нам ближе, т.е. нашим родным, нашим согражданам, нашим соотечественникам. Мы знаем их горе и нужду, нам известны их потребности и запросы; мы знаем, следовательно, кому и в чем мы можем оказать помощь и услугу, в чем выразить любовь нашу. И любовь здесь изливается не в неведомое пространство куда-то, а на определенные объекты; она здесь является не любовью словом или языком, но самым делом (1 Ин. 3, 18). Только выражая её по адресу близких нам родных, сограждан и соотечественников, мы можем и жизнь нашу отдать, зная, за что и почему мы жертвуем собою, и, сознавая, что на благо другому, а не на вред обществу мы делаем те или иные дела благотворения. Принявши все это во внимание, мы можем понять и оценить всю строгость приговора апостола Павла, высказанную им в послании к Тимофею: *если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8). Среди ближних наших - родных, сограждан, соотечественников - мы, прежде всего, и более всего можем иметь и врагов себе. По слову Спасителя, *враги человеку - домашние его* (Мф. 10, 36). С ними мы постоянно сталкиваемся, им наносим ущерб, от них терпим неприятности, и к любви к ним особенно усиленно призывает нас Спаситель. И если мы победим врагов из среды ближних наших, мы не найдем в сердце своем гнева и к дальним; и если разоведем, разогреем любовь к своим согражданам и соотечественникам, то для нас, естественно, не будет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного; если мы разделения победим среди своих ближних, то не найдем для себя возможным прилагать и развивать их и к иноплеменникам нашим. Любовь ко всем это ветвистое дерево, ствол которого корнями любви упирается внутрь сердца каждого и первые ростки которого непременно проявляются ещё в семье и среди общества ближних.

И Сам Спаситель, пришедший пострадать за всех людей, прежде всего старался благовествовать среди еврейского народа, его первым призывая вступить в царство Божие, и не раз выказывал Себя, как Сын своего отечества. Отказывая жене хананеянке в исцелении её беснующейся дочери, Спаситель открыто говорит, что Он *послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15, 24). Несколько ранее этого события, посылая учеников Своих на проповедь, Спаситель заповедует им *на путь к язычникам не ходить, а идти наипаче к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 10, 5-6). Вполне поэтому естественен Его плач при виде красот Иерусалима и при пророческом Его представлении предстоящей ему гибели и разрушения. Незадолго до Своих крестных страданий, входя торжественно, при криках и ликованиях народа в Иерусалим, Спаситель, взглянув на открывшийся Его взору во всей красоте Иерусалим, *заплакал* и сказал: *о, если бы ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему* (Лк. 19, 41-42). Плач Спасителя и эти нежно-любовные слова были выражением мучительной скорби о той ужасной участи, какая ожидала Иерусалим и иудеев в последствии времени. Это ли не самое яркое, чистое и поучительное проявление патриотизма со стороны Самого Иисуса Христа?

Как родившийся по человечеству среди еврейского народа, Спаситель как человек прежде всего жил жизнью этого последнего, будучи полон патриотической любви к нему и всюду высказывая предпочтение ему пред другими народами. Естественно, что Ему незачем было проповедовать людям на словах о нравственной законности любви к родине и к родному народу. Его вся жизнь была как бы живой проповедью и живым благословением надлежащего патриотизма.

При уяснении отношений христианства к патриотизму нельзя не обратить внимания на характерную для данного обстоятельства притчу Спасителя о талантах и на разъяснения ее, данные апостолом Павлом. Господин, владелец имущества, разделяет таланты между своими слугами, и каждый из последних получает, как говорит апостол Павел, по силам своим: *одному дается слово мудрости, другому слово знания... иному дары исцелений* и т.д. (1 Кор. 12, 4-11). Господин этот есть в то же время Господин и всех народов, *произведший весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию* (Деян. 17, 26). Времена и пределы для каждого народа назначены не по случайностям каким-либо, чего у Господа быть не может, а, конечно, в силу исполнения народом определенного ему назначения, осуществления данного ему таланта. Народ - это коллективная личность и непременно имеет и в истории своей умножает какой-либо талант, как часть общечеловеческого достояния, чем и служит всему человечеству. Этот

талант, как особое направление в культуре и цивилизации, как некий духовный гений народа, непременно предполагается и самой любовью к отечеству.

С этой стороны любить отечество свое или народ свой это значит стремиться в своей жизни и деятельности как можно полнее и лучше послужить определенному гению народа, поработать в пользу осуществляемой им культуры и т.п., чтобы, делая народ свой в данном отношении богатым и сильным, чрез это самое помочь ему послужить на пользу общечеловеческую. Пророки Ветхого Завета служили своему народу, помогая ему выполнить его мессианское назначение; служа же своему народу и своему отечеству, пророки служили и всему человечеству. Поэтому в проповеди пророков из-за любви к народу своему еврейскому естественно слышится голос любви и ко всем людям. И Спаситель, считая Себя посланным к погибшим овцам дома Израилева, проповедью среди только евреев творил величайшее дело просвещения и спасения всего человечества.

Патриотизм и им определяемая любовь ко всем

Принимая и утверждая патриотизм, христианство старается дать ему надлежащее растолкование, оградить его от не свойственных ему наслоений. По человеческой страстности и ограниченности мы нередко самое доброе явление искажаем, истинному даем неправильное освещение. И под патриотизмом мы мыслим нередко исключительную любовь к своему народу, при которой все свое без всякого разбора огульно почитается за истинное, доброе, красивое, а ко всему чуждому, иноземному проповедуется вражда и отрицание. Такого патриотизма христианство признать не может.

Христианство различает любовь к самому себе и себялюбие. Под первой оно понимает любовь к доброй, высшей, идейной стороне духовного "я" каждого человека, под второй - к дурным, чувственным, плотским влечениям и настроениям его. Первое предлагает к развитию и усовершенствованию, второе, как недостойное человека, запрещает. В народе или государстве так же, как и в отдельной личности, наряду с добрыми, высокими сторонами бывают проявляемы и культивируемы злые обычаи, инстинкты и даже воззрения. Первыми своими сторонами каждый народ служит всему человечеству, вторые отталкивают его от других народов, ведут к эгоистической самозамкнутости и нетерпимой исключительности. Конечно, христианство, всецело признавая и благословляя первые, никоим образом не может отнестись ко вторым даже сочувственно: оно их отрицает и осуждает. Отсюда понятно, что христианством приемлется только такой патриотизм, который и в своем народе не замалчивает темных свойств и особенностей, и в другом смело и открыто признает светлые

черты характера. Смотря так на свой и на чужой народы, истинный патриот-христианин не отождествляет целого мира со своим отечеством, вне которого для него все было бы дурно и ему чуждо. Он не только не исключает любви к другим народам и всему человечеству, но содействует возникновению и распространению сочувствия радостям и бедствиям его. Он признает право всякого человека другой народности и другого государства не только на радость и счастье в жизни, но и видит в нем брата своего, во всем ему подобного и ему равного человека. Всякая воинственная и национальная исключительность, желание роста и благоденствия своему народу в ущерб другим народностям, а тем более проповедь вражды и ненависти к последним, - все это недостойно христианина-патриота. Это свойство *ложного* или *узкого патриотизма*, христианством осуждаемого как порождение эгоизма и отрицание любви ко всем людям.

Христос Спаситель говорил, что в дому Отца Его обители многи; они для всех людей приготовлены и никто не будет лишен их, если окажется в одеянии украшенном. И здесь, на земле, на пир в царствии Своем Господь созывает все народы, со всех стогонов и улиц вселенной. Он повелел апостолам "все языки" вести в царство Его: оно для всех народов; в нем они должны объединиться во единое стадо со Единым Пастырем Христом. Но как в царствие небесное будущего века каждый из людей войдет со всем тем, что он доброго и полезного сделал здесь, на земле, войдет, следовательно, как определенная личность с её собственным, ей только принадлежащим духовным содержанием; так и в единое Его стадо каждый народ приемлется тоже как исторически сложившаяся в определенную духовную личность единица, ценимая лишь со стороны суммы добра и зла, ею выражаемого. Царствие Божие едино; но это не единство монотонности и простой нивелировки всех, а единство разнообразия народных личностей. В Церкви Божией, действительно, нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, т.е. нет различения по племенам и разным цензам; но иудей, как и эллин, в ней так и остаются с их принадлежностью к известному народу, с их работой в известной области человеческой культуры и просвещения, с их национальными особенностями. Церковь христианская, хотя и не знает временных и случайных человеческих перегородок, но оставляет за каждым его законное право быть личностью с ее отличительными духовно-нравственными особенностями. И Христос Спаситель, призывая все народы в Царствие Свое, ни от кого не требовал перестать быть членом своего отечества и сделаться евреем или греком или каким-либо отвлеченным общечеловеком.

Так с какой бы стороны ни подошли мы к христианству, отовсюду видим полную приемлемость им патриотизма. Патриотизм, будучи явлением законно-человеческим, в то же время есть явление и вполне христианское.

